

МАНАУС

АЛЬБЕРТО ВАСКЕС-ФИГЕРОА

Альберто Васкес-Фигероа

Манаус

«Издательство «Перо»

1975

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

Васкес-Фигероа А.

Манаус / А. Васкес-Фигероа — «Издательство «Перо», 1975

ISBN 978-5-00122-324-5

Четыре человека, проданные в рабство на каучуковые плантации, решаются на побег. Четыре человека: бразилец, американец, белая женщина и индеец, идут через непроходимые джунгли, спасаясь от наемников и охранников каучуковых баронов, преследующих их. Невероятные приключения, яркое и правдивое описание сельвы, опасные встречи с дикими животными: анакондами, ягуарами, кайманами и пираньями, и, конечно же, с людьми – пожалуй, самыми опасными существами в глухих, неизведанных лесах Амазонии.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

ISBN 978-5-00122-324-5

© Васкес-Фигероа А., 1975
© «Издательство «Перо», 1975

Альберто Васкес-Фигероа

Манаус

Alberto Vázquez-Figueroa
Manaos

Copyright © Vazquez-Figueroa

* * *

После стремительно несущихся вод в русле Амазонки, течение на Рио Негро, куда они свернули не так давно, было спокойным и плавным. Впереди сквозь листву замелькали огни города, далеко еще, но рулевой еле заметным движением весла направил лодку к противоположному берегу и одновременно приказал гребцам, чтобы налегли на весла.

Человек, сидящий рядом с Архимедесом и скованный вместе с ним одной цепью, за предыдущие две недели, пока их везли сюда, не проронил и с полдюжины слов, а тут вдруг заговорил:

– Манаус. Знаешь это место?

Архимедес отрицательно покачал головой.

– Нет. Я с Севера, из Алагоас.

В темноте он не смог разглядеть выражение лица сидящего рядом с ним человека, когда тот произнес:

– На каучуковых плантациях много северян. Они простаки, их легко обмануть. Посмотри повнимательней на эти огоньки, больше ты их никогда не увидишь. Оттуда, куда мы едем, никто не возвращается.

– Ты откуда?

– Вроде как. Родился под каучуковым деревом. Иногда мне кажется, что кормили меня не материнским молоком, а каучуком. Я знаю все, что только можно знать про эти поганые места и мне совершенно очевидно, что мы уже никогда оттуда не выберемся.

– Но я должен не так много, – возразил Архимедес. – Бог даст, через год рассчитаюсь полностью.

– Не будь простаком, – послышался сзади хриплый голос. – Через год, даже если ты будешь работать за сотню человек, твой долг лишь увеличится раз, так, в десять, не меньше...

Архимедес да Коста, по прозвищу «Северянин», брел по тропе, что сам же протоптал от дерева номер тридцать пять к дереву под номером тридцать шесть. Он вспомнил этот разговор, случившийся почти два года назад, когда в ночи появились далекие огни Манауса. Работы было много, и работа была тяжелой: ежедневно, с раннего утра, когда солнце еще не поднялось, до глубокой ночи, когда и ветвей деревьев уже нельзя было различить в сгущающемся мраке, он обходил сто пятьдесят деревьев, какие числились за ним, но, несмотря на все его усилия, несмотря на пятьсот дней тяжелейшего труда, его хозяин клялся, будто числящийся за ним долг – сумму, за которую он был куплен, не уменьшился и, более того, что пара панталон и мачете, выданные ему для работы, и отвратительная еда, что готовили здесь, еще и увеличили этот долг.

Бесполезно было спорить и протестовать в этой глуши на берегах Курикуриари, а если продолжать настаивать, то можно было окончить свои дни под ударами кнута, как произошло со многими другими. Управляющему нравилось упражняться с кнутом таким образом.

Он добрался до очередного дерева и остановился, чтобы передохнуть. Снял со ствола небольшую миску, куда стекал белый сок из разреза на коре и опорожнил её в висевший на плече мешок. И слава Богу, что все его деревья были в хорошем состоянии, большие и здоровые. Он знал некоторых из «серингейрос», кто вынужден был постоянно прибегать к разного рода хитростям, и даже приходилось брать новые, дополнительные деревья, чтобы выполнить обязательную ежедневную норму – двадцать литров каучукового молока.

Вспомнив про эти злосчастные «двадцать литров», «Северянин» подумал, что если уже удалось с Божьей помощью собрать норму, то не придется брести через лес к следующему дереву, а можно будет вернуться на ранчо пораньше. Он прикинул вес мешка, заглянул внутрь и решил, что если надсмотрщик сегодня будет в хорошем настроении, то вполне возможно собранное количество сойдет за требуемую норму.

Если идти с того места, где он сейчас находился через участок леса Говарда, которого все звали «Гринго», то сэкономит почти полчаса на дороге. Правда существовал определенный риск, что американец заметит его и подумает, будто он ворует каучук с его деревьев, но Аркимедес все равно решил идти именно так, стараясь при этом не встречаться с этим человеком.

И хотя он работал на ранчо не так давно и за это время они разговаривали не чаще, чем пару раз, но, все же, у него сложилось впечатление, что этот Говард был очень опасным типом.

Он положил обратно лоток для сбора сока к подножию дерева, при помощи мачете сделал более широкий разрез на коре, уже покрытой многочисленными шрамами с запекшейся каучуковой смолой, и пошел в направлении на юго-восток, к участку «Гринго».

Ему повезло, по тем звукам, что доносились из леса, он смог определить где находится американец, иначе он наверняка столкнулся бы с ним.

Звук был такой, словно с некоторыми промежутками ударяли один твердый предмет о другой – звук, который в лесу ни с чем нельзя спутать, когда мачете бьют по стволу. «Северянину» показалось странным, что удары звучали более агрессивно и не так ритмично, чем когда серингейро своим мачете начинает рубить, чтобы сделать разрез, откуда и будет сочиться каучуковое молоко.

Движимый любопытством, он решил подойти поближе, пока на маленькой поляне на противоположном берегу неширокого ручья не разглядел высокую фигуру Говарда, его огненную шевелюру и длинные, свисающие усы.

Было очевидно, что он не занимался своей работой – сбором каучука, но вместо этого швырял широкий и короткий нож, изготовленный из куска мачете, в толстый ствол сейбы.

Спрятавшись в чаще, Аркимедес наблюдал за ним и удивлялся с какой ловкостью тот метал нож, что с сухим стуком вонзался всего в нескольких сантиметрах от нарисованного на коре креста. Любопытен был и сам бросок: нож прятался в рукаве рубахи и бросался таким образом, что рука почти не поднималась, бросок шел от бедра. Со стороны могло показаться, будто человек стоит безоружный, но, тем не менее, мог запросто убить на расстоянии метров в пятнадцать, так что жертва и не успеет сообразить, что же произошло.

Вокруг этого Говарда всегда витало много разных слухов. На ранчо поговаривали, будто в Калифорнии на золотых приисках он убил столько народу, что вся полиция и даже часть армии гонялись за ним с одной лишь целью – повесить его, как только попадетс я им в руки. В Манаусе он некоторое время работал телохранителем самого Сьерры и довольно долго пользовался неограниченно свободой в передвижении и делах, находясь под покровительством своего могущественного патрона, пока в один прекрасный день не совершил роковую оплошность – переспал с любовницей шефа. И тот, вместо того, чтобы убить обнаглевшего охранника, предпочел отомстить более изящно и жестоко – отправил его на свои каучуковые плантации в долине реки Курикуриари. Всем было понятно, что долго тот не протянет в джунглях, поскольку не был местным, не был подготовлен для жизни в лесу, и очень скоро лихорадка или «бери-бери» покончат с ним, и он исчезнет навсегда.

Архимедес не стал особенно задерживаться здесь и бесшумно скрылся в чаще, обойдя это место стороной, оставил американца наедине со своими упражнениями по метанию ножа.

Когда он пришел на ранчо, то увидел, что все вокруг пребывали в непривычно возбужденном состоянии. Какой-то ребенок умер из-за лихорадки и его мать, толстая и неповоротливая матрона, давно уже живущая на плантациях, рыдала и рвала на себе волосы, якобы оплакивая умершее дитя.

Архимедесу это показалось смешным.

Эльвиру никогда особенно не заботила судьба ни этого ребенка, ни какого-нибудь еще из тех, кого она породила, и ей было все равно что с ними может случиться: помрут ли от лихорадки, сожрет ли ягуар или утащит голодная анаконда. Все эти крики и показательные страдания были направлены на то, чтобы кто-нибудь из сочувствия к ее горю поднес стаканчик рома или чтобы разжалобить управляющего и тот, оставив ее в покое на несколько дней, не заставил переспать с четырьмя или пятью работниками.

Управляющий был в лагере, заметив приближающегося Архимедеса, удивленно поднял брови.

– Что так рано? – спросил он.

Архимедес снял с плеча мешок и положил его к ногам управляющего.

– Принес все свои двадцать литров.

Негр Жоао поднял мешок и с критическим выражением на лице прикинул вес.

– Похоже, что так и есть.

– Если хочешь, то можем взвесить литр за литром, и если не хватает, то принесу завтра утром.

В ответ негр небрежно пожал плечами и кивнул головой в сторону тюка, валявшегося под порогом женской хижины:

– Лучше будет если взамен недостающего «хебе» похоронишь пацана. Отнеси его куда-нибудь подальше, а то на запах набежит зверье всякое полакомиться мертвечиной и перебаламутит все ранчо.

Архимедес, не говоря ни слова, пошел к сараю, вытащил оттуда лопату и, проходя мимо, легко подхватил с земли труп маленького существа, более похожий на скелет. И хоть лет ему было пять или шесть, но весил он совсем ничего.

Он ушел в лес, отошел метров на двести и выкопал неглубокую яму. Земля была мягкая, влажная и пахла гнильем.

Положил на дно труп ребенка, присыпал сверху землей и пошел обратно, неся лопату на плече. Любой из тех ребятшек, что бегали по ранчо, мог оказаться его ребенком и однажды может так случиться, что он похоронит его таким же образом, но думать об этом не хотелось. Приятней было представлять себе, как в один прекрасный день он все-таки выйдет из этих джунглей.

Когда он вышел из леса, Эльвира накинулась на него с кулаками.

– Где ты оставил моего сыночка? – кричала она, надрываясь.

– Я похоронил его... Там, в глубине леса, направо от дороги.

– Врешь! Ты бросил его. Оставил на съедение собакам и ягуарам.

«Северянин» старался сохранять спокойствие и не обращать внимания на беснующуюся женщину.

– Я его похоронил. Поверь мне.

Но женщина не слушала и, пребывая в истерике, показной и фальшивой, как он полагал, кинулась на него, чтобы расцарапать лицо.

– Нет! Ты, свинья! Ты не похоронил его!

Архимедес оттолкнул ее и тыльной стороной лопаты ударил по ребрам. Удар показался ему несильным, но звучным, и Эльвира, отскочив в сторону, побежала прочь, завывая от боли,

что на этот раз выглядело более правдоподобно. Не обращая внимания на крики и ругательства, «Северянин» пошел к ранчо, где спали работники. Забрался в гамак, а немного времени спустя увидел, как внутрь вошел «Гринго» и с ним еще четверо или пятеро пеонов.

Все они были взволнованы и что-то громко обсуждали. Рыжий американец, однако, хранил угрюмое молчание, и Архимедес попытался взглядом найти то место, где в рукаве у него был спрятан нож, но ничего не заметил – если «Гринго» и носил его там, то ловко скрывал это.

Остальные же продолжали горячо спорить о чем-то, спор этот становился все яростней, а слова звучали все громче и громче, пока не в силах сдерживать любопытство более, Архимедес не спросил:

– А можно узнать, какого черта происходит?

Все замолчали и посмотрели на него так, словно он только что свалился с Луны.

– Ты что и в самом деле ничего не заешь? – спросил его один из рабочих. – Хозяин прибывает завтра. Он сейчас в районе порогов. Охранники видели его пироги.

Архимедес невольно содрогнулся.

– Сам Сьерра? – воскликнул он. – Сьерра – «Аргентинец»?

Работник утвердительно кивнул.

– Собственно персоной. Сам Сьерра, «Аргентинец», хозяин и господин над всеми нами, прибудет завтра и пусть сам дьявол поможет нам.

– И зачем он едет?

– А ни за чем хорошим... Сьерра и шага не сделает, если на это не будет какой-нибудь причины. И если он выбрался из Манауса и провел в пути двадцать дней, то у него имеются на то весьма веские причины.

«Северянин» повернулся к Говарду, тот только что расположился в своем гамаке.

– Слушай, «Гринго», будет лучше, если ты на несколько дней уйдешь в лес. Ходят слухи, что он не испытывает к тебе особенной симпатии. Может он едет по твою душу.

– Так или иначе, все равно придется сдохнуть, – мрачно прокомментировал «Гринго», даже не повернув головы. – Какая разница от чего: от лихорадки или от рук этого сукина сына? Чем быстрее – тем лучше.

– Если Сьерра захочет расправиться с тобой, – многозначительно заметил один из пеонов, – то особенно спешить не будет. Я своими глазами видел, как он убивал людей десятью разными способами. Например, он может швырнуть тебя к муравьям на съедение.

– Или отдать пираньям, – добавил другой.

– Или накормить тобой анаконду.

– Премного благодарен, – спокойно отвечал рыжий. – Вы очень любезны, но кое в чем я совершенно уверен: я не собираюсь бежать впереди этого «Аргентинца». Если он приедет сюда, то я здесь, жду его...

Как и предупреждали охранники с порогов, флотилия пирог, принадлежащих Сьерре, причалила к пристани ранчо на следующий день.

Среди сопровождающих «Аргентинца» была его любовница Клаудия, та, из-за которой Говард и попал на каучуковые плантации, а также семь телохранителей и около восьмидесяти индейцев-рабов, чей вид, очень отличающийся от облика индейцев, обитавших в округе, удивил всех сборщиков каучука – были они светлокожие и говорили на языке, который даже индейцы, работающие на ранчо, понимали с большим трудом.

Кармело Сьерра, худой, нервный, с тонкими, несерьезными усиками и напوماженными, прилизанными волосами под белым, без единого пятнышка, сомбреро, выпрыгнул на берег первым. Он терпеливо принял объятия и поздравления с прибытием от управляющего Жоао и остальных членов банды, что были оставлены им здесь следить за порядком и рабочими.

Все серингейрос в этот день получили специальный приказ не выходить на работу в лес, должны были оставаться на ранчо, чтобы хозяин имел возможность лично проинспектировать их, и сейчас стояли, выстроившись в ряд напротив самой большой из хижин, почти у самой воды.

Сопровождаемый со всех сторон телохранителями, что шли с ружьями наизготовку, он двинулся вдоль строя рабов, осматривая каждого самым внимательным образом. Поравнявшись с американцем, он улыбнулся:

– Приветствую, «Гринго»! Не ожидал найти тебя живым.

– Как видишь. Еще держусь. Сельве не получилось справиться со мной.

– Но это ненадолго, – обнадежил его Сьерра. Заметив мрачное и напряженное выражение лица Говарда, добавил:

– Не беспокойся. В мои планы не входит сократить срок твоего пребывания здесь. Такое положение дел меня вполне устраивает, от тебя живого пользы больше, чем от мертвого.

Потом, обернувшись в сторону девушки, что выбиралась из лодки на берег, опираясь на плечо темнокожей служанки, крикнул:

– Клаудия! Смотри кто здесь!..

Клаудия еще раньше заметила присутствие Говарда, но виду не показала. Однако подошла и встала напротив, рядом с тем, кто, судя по всему, был и ее хозяином также. Была она молода, лет двадцать пять, не больше, но выглядела очень утомленной, в каждом ее жесте сквозила бесконечная усталость, от чего казалась старше своих лет. Выражение лица у неё было, как у женщины потерявшей всякую надежду на то, что жизнь когда-нибудь изменится в лучшую сторону.

Родом она была из Венесуэлы. Когда-то весь Каркас лежал у ее ног, и все складывалось для нее самым замечательным образом, пока на жизненном пути не появился богатый владелец каучуковых плантаций из Сьюдад-Боливар, тогда его состояние насчитывало несколько миллионов фунтов стерлингов. Они поженились, и он увез ее в сельву, где, спустя три месяца, и был убит своими же людьми.

В качестве военного трофея она перешла в собственность управляющего плантациями, он же убийца ее мужа, и кто, спасаясь от венесуэльского правосудия, не отпускал ее от себя ни на шаг и таскал за собой через все джунгли от Альто Ориноко и Касикьяре, и Рио Negro, до самого Манауса, где и продал «Аргентинцу».

А сейчас Сьерре зачем-то потребовалось взять девушку с собой в эту инспекционную поездку на плантации, и длительное путешествие по рекам совсем измотало ее.

– Помнишь Говарда? – насмешливо спросил «Аргентинец». – Посмотри, это уже не тот великолепный ковбой, которого ты знала. Теперь это не больше, чем грязный, голодный работник с моей плантации, раб, что поползет туда, куда ему укажут, лишь бы выбраться из этих джунглей.

Говард внимательно посмотрел ему в глаза.

– Я никогда не буду ползать, – ответил он, – ни перед тобой, ни перед кем-нибудь вообще и ты это знаешь.

Кармело Сьерра утвердительно кивнул головой.

– Да, знаю, – согласился он. – Поэтому ты и был моим доверенным лицом. И поэтому я не приказал убить тебя, когда застукал с этой шлюхой. Смерть тебя не страшит. Но, стать рабом... и оставаться им до тех пор, пока лихорадка не покончит с тобой – этого ты боишься, правда?

Рыжий ничего не ответил, лишь развернулся и пошел к хижине. Но Сьерра окликнул его:

– Стоять, я не разрешал тебе уходить. Что, скучаешь по ней? Теперь она твоя. Теперь вы можете быть вместе, – насмешливо добавил он. – Пока смерть не разлучит вас.

Американец быстро развернулся, а Клаудия побледнела, поняв вдруг намерения Сьерры, когда он приказал ей ехать вместе с ним на каучуковые плантации.

– Что ты хочешь сказать этим? – спросила она срывающимся голосом.

– А что тут объяснять, – ответил «Аргентинец». – Ты остаешься здесь. Будешь одной из тех женщин, что живут на этом ранчо, и всегда будешь рядом со своим «Гринго».

– Ты что, собираешься отдать меня своим работникам, как простую проститутку?

– Ты ничем не лучше их.

– Но ты не можешь так поступить. Я не принадлежу тебе.

– Нет, я тебя купил, а все, купленное мной, мне и принадлежит.

Клаудия поняла, что спорить бесполезно. Какой смысл возражать, когда за нее уже все решили?.. Покачиваясь словно от удара, она медленно отошла прочь под деревья, за которыми начиналась сельва. Жадные и одновременно любопытные взгляды работников, сборщиков каучука, следовали за каждым ее движением, слышались сальные комментарии по поводу новой обительницы женской хижины.

За исключением одной девушки-индианки, что приходила на ранчо время от времени и оставалась на весьма непродолжительный срок, все остальные женщины жили там лет по десять и были старыми и больными существами, что вызывали больше отвращение, чем какой-нибудь интерес. Отдать такую женщину, как Клаудия, этим оголодавшим самцам, было настоящим «королевским» подарком для обитателей лагеря со стороны хозяина. Не спуская глаз с американца, Сьерра произнес:

– Надеюсь, что этой ночью вы оцените мой щедрый подарок по достоинству.

Сборщики каучука дружно закивали головами, засмеялись, добавляя пошлые и жестокие комментарии – попользоваться хозяйским «имуществом» – это всегда яркое и незабываемое развлечение. Все, за исключением Говарда и Архимедеса, «Северянина», стоявшего немного в стороне и молча наблюдавшего за происходящим. Кармело Сьерра, чьи маленькие, колючие глазки постоянно бегали из стороны в сторону и словно видели сразу всех и все вокруг, немедленно обратил на это внимание:

– А ты что такой хмурый? Может тебе не нравятся женщины?

– Не таким образом.

Сьерра лишь пожал плечами.

– Дело твое. Хочешь – бери ее, не хочешь – не трогай. Кто ты?

– Меня зовут «Северянин». Ты выкупил мой долг в двадцать контос два года назад и твой надсмотрщик претворяется, что я до сих пор не отработал и не выплатил ту сумму.

– Если Жоао говорит, что долг еще не выплачен, значит – не выплачен. Ты плохо собираешь каучук. Все вокруг только и мечтают, чтобы пожить за мой счет, пока я нахожусь где-нибудь далеко отсюда, только Жоао следит за тем что и как здесь делается и представляет мои интересы. Он скажет тебе, когда ты сможешь уйти.

– Он никогда этого не сделает.

– Ну, тогда тебе только и остается, что свыкнуться с этой мыслью.

И Сьерра отвернулся, давая понять, что разговор окончен, а в это самое время из лодок выгрузили целую армию закованных в цепи индейцев.

На вопрос Жоао, что это за люди такие, «Аргентинец» ответил: «аука» – индейцы, обитающие на правом берегу реки Напо, на территории Эквадора и что он перекупил их у Аранья – перуанского каучукового барона – кто, в свою очередь, поймали их во время одной из своих «раззиас» (нападение на индейские поселения). Были они физически сильными и выносливыми, с работой справлялись, но отличались непокорным нравом и очень часто убегали, а потому Аранья, чьи плантации располагались в непосредственной близости от территории аука, решил избавиться от них, продав Сьерре. Отсюда, с берегов Курикуриари, вернуться на Напо было совершенно невозможно.

Жоао вовсе не пришла по душе идея следить за толпой индейцев только и мечтающих о том, чтобы сбежать побыстрее, у него и без них было достаточно забот и «Арген-

тинец» попытался успокоить его, объяснив, что оставит здесь еще шестерых белых охранников, приехавших вместе с ним. Пришло время расширить территорию, где собирали смолу, вглубь сельвы, поскольку теперешние каучуковые плантации вдоль Курикуриари перестали приносить требуемое количество каучука, и нужно было увеличить количество концессий на его добычу, если Сьерра хотел оставаться одним из «пяти великих» – крупнейших владельцев каучуковых плантаций в Манаусе, а для Кармело Сьерра этот титул всегда был самым важным, самым ценным из того, что он когда-либо имел и, чтобы не потерять его, он готов был пожертвовать сотнями человеческих жизней.

Сьерра, «Аргентинец», был одним из так называемых «основателей Манауса».

С помощью каучука им удалось превратить забытую Богом деревушку, состоявшую из пригоршни грязных хижин затерянных в глубине джунглей, в один из самых богатых городов мира. В тот день, когда Чарльз Гудбир обнаружил, что, нагревая смолу от деревьев породы «*Hevea Brasiliensis*» соединенной с серой, получается каучук – продукт с необыкновенными свойствами – он и не подозревал, что тем самым обрек миллионы невинных существ на ужасные мучения. «*Hevea Brasiliensis*» произрастает лишь в определенных регионах Южно-американского континента, в особенности в бассейне реки Амазонка, где, ко всему прочему, не растет группами, образуя леса, а отдельными экземплярами, затерянными в глубине сельвы, спрятанными в непроходимых и диких джунглях.

Чтобы добыть этот сок и превратить его в каучук, ценившийся чуть ли не на вес золота, требовалась почти целая армия работников, которые тем только и были заняты, что ходили по джунглям, надрезали кору деревьев, спустя некоторое время возвращались к этим деревьям, чтобы забрать накопившийся латекс, потом готовили из него сам каучук и отправляли на фабрики, откуда далее, по реке, его везли в Манаус, а уж затем он отправлялся по всему миру.

Поначалу такое положение дел, заключавшееся в том, что нужно ходить-бродить по лесу, выискивая деревья, привлекло огромное количество самых разнообразных авантюристов, надеявшихся разбогатеть по-быстрому на продаже шаров из каучука. Но и технический прогресс не замедлялся и интерес к этому веществу постоянно рос, и, соответственно, расширялась торговля, и, конечно же, появились те, кто решил любой ценой монополизировать все производство каучука. Им удалось заполучить от Правительства концессии на территории в джунглях настолько изолированные и удаленные, что некоторые не были даже помечены на картах, и тем более в тех местах никогда не ступала нога белого человека. И чтобы начать разработку каучука, требовалась рабочая сила, которую никаким образом не удавалось заполучить. Немного нашлось отчаянных смельчаков, кто ради чужой наживы готов был отправиться в эту зеленую пустыню, навстречу невероятным опасностям, кто готов был сражаться с племенами дикарей, сплавляться по рекам со стремительными порогами, где на каждом шагу подстерегали бесчисленные ядовитые змеи, где можно было погибнуть от лап ягуара или умирать медленно и мучительно от желтой лихорадки или болезни «бери-бери».

Редко кто из сборщиков каучука протягивал боле пяти лет на этой работе, а уж количество трупов, усеявших самые отдаленные уголки джунглей, насчитывало многие тысячи. Поэтому те, кто все-таки решался идти в сельву, хотели получить дополнительное вознаграждение за все те риски, что, само собой, делало это бизнес менее прибыльным, чем того хотелось хозяевам Манауса.

Логично было предположить, что первым, кто привлек их внимание в качестве дешевой рабочей силы, оказалось местное население – индейцы, прекрасно знавшие те места, прекрасно знавшие сельву и те опасности, что могут подстергать там человека.

Но очень скоро они обнаружили, что им нечего было предложить индейцам взамен самого дорогого, что у них было: их свободы.

И это понятие «свобода» (свобода любой ценой), возможно, стало самым главным препятствием, когда «люди цивилизованные» принялись подгонять обитателей тех лесов под правила и стандарты собственного мира.

Для индейцев любая работа представлялась неприемлемым злом, когда из-за нее ограничивалась их свобода. Они могли часами строить хижину или рубить дерево, но делали это всегда по желанию и при наличии интереса. Однако стоило им заскучать или устать, то они сразу же ложились спать или если у них вдруг возникало желание порыбачить, они немедленно, не задумываясь о последствиях и об ответственности за невыполненную работу, оставляли ту самую работу недоделанной даже наполовину.

Это понятие «ответственности» было непостижимым для большинства амазонских племен, кто отвергал любую ответственность даже в качестве отца, мужа или члена того общества, где они жили.

А уж говорить о какой-нибудь ответственности при сборе каучука на службе у какого-то белого человека, так об этом и вовсе речь не шла.

И как следствие этого – видя, что никак не получается убедить их работать, владельцы плантаций решили заставить это делать, совершая набеги на индейские деревни с одной лишь целью – захватить и мужчин, и женщин, и даже детей.

Достоверно известно, что братья Аранья – владельцы каучуковых плантаций в Перу, чтобы удержать «дикарей» на плантациях, чтобы они не убежали в лес, держали в качестве заложников их детей, и когда индеец не возвращался из джунглей с нужным количеством смолы, в этот день ребенку отрезали руку. На следующий день вторую руку, позже отрубали ноги, и так продолжалось, пока несчастного не разрубали на куски.

Так или иначе, но сотни тысяч местных индейцев были уничтожены, и из пяти миллионов человек, обитавших на берегах «Великой Реки» в те времена, когда через эти места проходил отряд Франциско де Орельяна в 1500 год, осталось не более полумиллиона, спустя четыре столетия.

Когда-то такие многочисленные и могущественные племена, как «Пасеас-Новос», «Каианг», «Ксавантес», «Кренкорес» или «Урубубу» были практически истреблены в период каучуковой лихорадки, а другие племена, как, например, «Аука», ушли вглубь лесов и отстали в своем развитии на сотни лет.

Современной цивилизации потребуется ни одно столетие, чтобы восстановить хотя бы малую часть того, что было потеряно за те ужасные годы, когда обыкновенное смолистое дерево превратилось в настоящего палача целой расы.

Смертность среди индейцев оказалась настолько высокой, что очень скоро хозяева Манауса пришли к простому пониманию, что белый раб будет более выносливым и послушным, чем десять индейцев.

Но добыть белых рабов было делом весьма проблематичным, и потому прибегали к разного рода хитростям. Первая из таких уловок – это пообещать работнику самые выгодные и комфортные условия работы и жилья на один-два года, особенно тем, кто живет далеко, привезти их на плантации и оставить там навсегда.

Что очень походило на то, как заманивают беспутных женщин в бордели.

Второй способ – это «долг», когда тем, кто нуждался в деньгах, предоставляли небольшой кредит на условиях, что нужно будет отработать на плантациях, но, несмотря на все усилия должников, им никогда не удавалось уменьшить заветную сумму. Как и в случае с Архимедесом, «Северянином».

Существовали и другие способы обмана, вплоть до самого наглого похищения тех, кто осмеливался объявиться на берегах Амазонки, привлеченные призрачной перспективой скорейшего обогащения. И прежде, чем они могли сообразить в чем дело, как уже оказывались закованными в цепи на борту лодки, увозившей их на далекие плантации.

Само собой разумеется, что наипервейшим желанием тех рабов, как белых, так и цветных, было сбежать. И чтобы избежать этого, хозяевам плантаций не пришло в голову ничего другого, кроме как превратить Амазонию в огромную тюрьму, самую большую тюрьму, когда-либо существовавшую на планете: пять тысяч километров в длину и почти четыре тысячи километров в ширину.

Каждый владелец плантаций выставлял сторожевые посты в ключевых местах на реках: на перекатах, в ущельях, на слиянии с другим потоком, чья задача заключалась в том, чтобы перехватить тех, кто намеревался каким-нибудь способом пересечь реку. И поскольку реки в джунглях представляли собой единственный путь, по которому можно было передвигаться, и в Амазонии невозможно ни пройти куда-нибудь, ни вернуться, кроме как по воде, рано или поздно любой беглец или просто путешественник попадали в лапы каучуковых баронов.

А те договорились между собой, что любой пойманный беглец будет возвращен своему владельцу, и таким способом и образом горстка людишек, обосновавшихся в Манаусе, Икитос, Сантарем или Белем де Пара, осуществляла контроль над самым протяженным и глухим уголком мира, пресекая любые попытки вырваться из их разветвленной и хорошо отлаженной сети.

Кармело Сьерра, он же «Аргентинец», был одним из самых могущественных каучуковых баронов Бразилии; таким же могущественным, как, например, клан Аранья в Перу, Эчеварриа в Колумбии или полковник Фунес в венесуэльской Амазонии. В его распоряжении оставались земли в верховьях Рио-Негро, Салданья командовал в Мадейре, Маркос Варгас хозяйничал на берегах Ксингу, а англичанин Скот – наверное, самый жестокий из тех, кого называют «женоподобными» – захватил область по берегам реки Тромбетас.

Были еще бароны, владевшие огромными каучуковыми плантациями, по своим размерам эти плантации превосходили некоторые европейские страны, но, тем не менее, они не принадлежали к той влиятельной группе. А Сьерра мечтал прибрать к рукам земли Салданьи и, таким образом, стать самым богатым и влиятельным, стать могущественнее даже, чем сам Хулио Аранья, монополизировавшей добычу каучука в Перу и чья частная армия, по слухам, насчитывала тысячи людей.

Но, чтобы начать войну с Салданьей, Кармело Сьерра нуждался в деньгах и, следовательно, в каучуке, в большем количестве каучука, а для этого требовалось найти новые каучуконосные деревья еще дальше, еще глубже в амазонской сельве.

Для этого он и привез с собой рабов аука.

Как только начало темнеть, в поселке послышались крики несчастной Клаудии. Четверо человек держали ее за руки и за ноги, а остальные, большинство из работающих на плантации: белые, черные и индейцы, надругались над распятой женщиной один за другим.

Крики слышались чуть дольше получаса, а затем сменились стонами, звучащими непрерывно, и стоны эти были еще ужаснее, еще пронзительнее, чем сами крики. Словно какое-то несчастное животное мучили самым безжалостным образом, не позволяя ей, тем не менее, умереть.

Развлечения ради Кармело Сьерра присутствовал при этом в самом начале и даже подбадривал и подзадоривал некоторых из своих людей, но потом происходящее наскучило ему, и интерес к этому варварскому спектаклю постепенно угас.

Говард, «Гринго», укрылся в хижине, лежал в своем гамаке и изо всех сил старался не обращать внимание на происходящее, понимая, что стоит ему сделать хоть малейший шаг в сторону Клаудии, чтобы помочь ей, то головорезы «Аргентинца» незамедлительно всадят ему в грудь три пули, потому что с того самого времени, как они были вместе в Манаусе, Клаудия была обречена.

Аркимедесу настолько было омерзительно происходящее в лагере, что он содрогался от всех этих криков и стонов и, не выдержав, скрылся в своем любимом месте, под большой хижин-

ной, выходявшей одной стороной на берег, и откуда можно было видеть широкую излучину реки, по которой он надеялся в один прекрасный день вернуться на свободу.

Месяц поднялся над вершинами деревьев в ночном небе, набегавшие облака изредка скрывали его, но когда он появлялся вновь, то узкая, светящаяся дорожка вытягивалась на поверхности воды и «Северянину» нравилось смотреть на нее. Чернокожая служанка Клаудии прошла рядом, не заметив его, словно тень, с видом растерянным и смущенным, и ему стало жалко ту добрую женщину, без сомнения переживающую за свою несчастную хозяйку. Но особенно впечатлило его как те женщины, что обитали в лагере – опустившиеся проститутки, дегенератки, от которых никогда ничего хорошего не приходилось ожидать, восприняли изнасилование Клаудии, и первый раз за все время, проведенное на плантациях, он видел их в таком угнетенном состоянии, молчаливых, словно испуганных от того, что происходило там, внутри хижины.

Потом к нему присоединился Висенте Контимано, он уселся рядом. Ему тоже нравилось смотреть на реку с этого места. Судя по всему, он поучаствовал в том развлечении.

Архимедес промолчал, но Висенте неожиданно сам начал говорить и сознался:

– Все бы отдал сейчас, чтобы не принимать в этом участие, «Северянин». Похоже, это самое грязное, что я совершил за всю свою жизнь и начинаю думать, что я и в самом деле заслуживаю того, чтобы провести остаток жизни здесь. А эта свинья, Сьерра, еще и смеялся над бедной девчонкой, будто ему все это доставляло удовольствие.

Архимедес продолжал молчать.

Контимано решил уйти, поднялся с земли и удалился к реке, погруженный в свои мысли, по той же тропинке, по которой ушла и служанка.

«Северянин» остался один, в тени хижины, и тут послышались голоса и смех, кто-то направлялся сюда. Кармело Сьерра, похоже уставший от этого представления, возвращался в большую хижину, за ним следовали охранники и управляющий плантацией Жоао.

Инстинктивно Архимедес отодвинулся глубже в тень, группа прошла прямо перед ним, но его присутствия не заметили, и они начали подниматься по ступеням внутрь хижины. Зажгли свечу, и из своего укрытия сквозь щели в сплетенных из тростника стенах Архимедес мог видеть ноги тех, кто находился внутри. Он даже подумал, что с этого места мог бы запросто проткнуть длинным мачете «Аргентинца», сидящего в гамаке, почти над самой его головой, и никто из его телохранителей, двое из которых стояли на страже возле двери, не смогли бы помешать ему.

Собравшиеся наверху смеялись и комментировали детали изнасилования.

Открыли бутылку, и Архимедес услышал, как разливают по стаканам.

Среди прочих голосов властно и ясно прозвучал голос Сьерры:

– Хочу, чтобы это повторилось, хотя и сомневаюсь, что она выдержит продолжение. Чтобы все, до последнего индейца, попользовались ею, все, за исключением «Гринго».

– Трудновато будет не допустить этого, – ответил другой голос, Архимедес узнал Жоао.

– Я лично приказываю тебе проследить за этим, – властно сказал Сьерра. – Я не хочу, чтобы эта рыжая свинья даже коснулась ее.

Жоао недовольно пробормотал:

– Я не могу отправить своих людей следить за тем, чтобы «Гринго» и эта шлюха не начали встречаться где-нибудь в лесу, – но, помолчав немного, добавил: – За исключением разве что...

Воцарилась пауза. Наконец Сьерра не выдержал.

– За исключением чего?.. Продолжай, давай, говори, коль начал.

В ответ Жоао рассмеялся.

– За исключением того, что мы лишим «Гринго» основной причины, из-за которой он может видеться с ней. Где-то валяется доска с дырой посередине, а в реке водится полно голодный пираний.

Теперь уже смеялся «Аргентинец», смеялся громко, нагло, скандально.

– И как же мне это самому не пришло в голову? Совсем позабыл про это. И сколько же времени мы не проделывали такого?

– Да, уж несколько лет прошло. Последний раз развлекались так с тем французиком и рыбы выгрызли ему кишки. И как же он вопил, этот «лягушатник», пока не сдох!

– Найдите эту доску, – приказал Сьерра. – А поутру мы сыграем с этим «Гринго» шутку, о которой он будет помнить всю оставшуюся жизнь и вся его мужественность закончится раз и навсегда.

Архимедес некоторое время сидел, не шевелясь, холодея от ужаса от одной лишь мысли о той дикости, что готовилась наверху, в хижине.

Он слышал о подобном, но всегда полагал, что это лишь фантазии, преувеличения, возникающие в головах тех, кто дни напролет бродит по джунглям, собирая каучук. Речь шла о том, чтобы привязать человека к доске, уложив его на живот, через специально проделанное отверстие просунуть его гениталии и после этого спустить доску на реку, предварительно сделав несколько неглубоких, но кровоточащих надрезов на коже. Почуввав запах крови, в этом месте собирались пираньи и сжирали все, что находилось в воде. Это был один из самых жестоких, кровавых и не лишенный оригинальности способ кастрировать мужчину. Бывали, однако, случаи, когда человек оставался на воде дольше, чем полагалось, и тогда пираньи в своей ненасытности выгрызали ему кишки.

Неслышно, медленно, сантиметр за сантиметром, чтобы охранники, дежурившие у двери, не заметили его, он отполз от большой хижины, скрылся в зарослях кустарника и, сделав большой крюк, подошел к своей хижине, где также спал и Говард.

Он вошел, старясь ступать бесшумно, но подобные предосторожности оказались бесполезными, потому что остальные работники еще не вернулись, а американец не спал в своем гамаке и видел, как он вошел с самого первого момента. «Северянин» пошел прямо к нему.

– Ты должен уйти, «Гринго», – сказал он. – Завтра утром Сьерра хочет скормить тебя пираньям.

В ответ на эти слова американец даже не пошевелился. Затянулся сигарой, выпустил густое облако дыма и спокойно произнес:

– Какая разница, все мы умрем, по той или иной причине, и я тебе уже это говорил, и, кажется, мое время подходит.

– Не выдумывай особенно. Твой нож не поможет тебе. Я видел, как ты управляешься с ним... Там, в лесу, но ты не сможешь застичь «Аргентинца» врасплох. К тому же, он не собирается бросить тебя целиком пираньям... Знаком с таким развлечением, как доска?

И теперь уже «Гринго» подпрыгнул и замер, стоя перед своим гамаком.

Он швырнул окурок на пол и зло раздавил его.

– Это что ж получается? Этот сукин сын задумал кастрировать меня?

– Я только что слышал это. Отвяжывай свой гамак и уходи в джунгли. Это мой совет тебе.

– По следу пустят собак. Я не уйду далеко.

– Спустись по реке, пусть течение несет тебя, когда поравняешься с ручьем, с тем маленьким, что идет к моим деревьям, поднимись по нему. Не касайся ни земли, ни веток. Иди все время по ручью до моих деревьев и жди там, рядом с большой сейбой. Я принесу тебе еду.

– И зачем тебе это надо? Зачем все это делаешь? – спросил рыжий. – Если они узнают, то это будет стоять тебе жизни.

– Ты слышал Сьерру. У меня нет ни малейшего шанса выбраться отсюда. Я просто подумал, что вдвоем мы сможем убежать.

– Никому еще не удавалось «смыться» с этих плантаций, – возразил ему американец. – Не думаю, что мы будем первыми, у кого это получится.

– Мы будем, можешь не сомневаться, – заверил его «Северянин». – У нас не осталось выбора. А теперь уходи.

«Гринго» ничего не ответил, снял гамак, внутрь положил свои нехитрые пожитки, перекинул через плечо и, заткнув за пояс длинное мачете сборщика каучука, направился к выходу.

– Спасибо, – пробормотал он, когда уже вышел за порог, – и до встречи.

– До встречи, – ответил «Северянин» и долго еще смотрел в темноту, в том направлении куда, как он полагал, направился рыжий.

Затем вошел внутрь и завалился в свой гамак, закинув руки за голову, он начал засыпать, не переставая прислушиваться к стонам Клаудии, что все еще доносились со стороны женской хижины.

Сьерра чуть не лопнул от ярости, когда на следующее утро обнаружил, что Говард сбежал. Ему и в голову не могло прийти, будто кто-то мог его предупредить, он думал, что американец не смог выдержать криков Клаудии, и надеялся, что его люди настигнут беглеца, и он все же сможет насладиться зрелищем кастрации. Спустили собак Жоао – злых и необузданных тварей, с которыми только он и мог справиться. Тот приказал им взять след, но собаки вернулись ни с чем. След терялся у реки и, хотя самым тщательным образом прочесали оба берега вверх и вниз по течению, не удалось найти и намека на то, что американец где-то вышел из воды.

К тому же часовые на порогах клялись всем, что им было дорого, призывая в свидетели и само небо, и разных его обитателей, что и там он не проходил, а потому пришли к заключению, что все-таки пираньи добрались до него.

Никому и в голову не пришло заподозрить Архимедеса, а на все вопросы тот отвечал односложно, говорил что ничего не видел и ничего не слышал.

Однако, ему пришлось сильно постараться, чтобы выпросить дополнительную порцию еды, когда собирался на работу, и по дороге к своим деревьям, что занимала достаточно продолжительное время, он постоянно думал о том, как будет теперь кормить «Гринго», когда сам вынужден терпеть неслыханные лишения, чтобы кое-как прокормиться.

Бесполезно было надеяться на то, что Говард сможет добыть себе пропитание.

Без ружей, с чем можно было бы охотиться, не владея техникой ловли рыбы в здешних реках и ручьях, как умели это делать индейцы, мало что можно было получить от сельвы, поскольку изначально в самой сельве было мало чего такого, что смогло бы прокормить человеческое существо.

В некоторых исключительных случаях, когда люди терялись в джунглях, они какое-то время могли продержаться на разного рода кореньях и незнакомых фруктах, но, как правило, все это заканчивалось либо отравлением, либо быстрой смертью от острой формы дизентерии.

Нужно было не допустить, чтобы пришлось искать и выкапывать разные коренья. Архимедесу было особенно важно, чтобы к тому моменту, когда они решат «смыться», «Гринго» находился в хорошей физической форме. В противном случае от него будет больше проблем, чем какой-нибудь помощи.

Несколько раз он останавливался и внимательно прислушивался к звукам, доносящимся из леса, чтобы удостовериться, что никто не следует за ним. Когда убедился, что все спокойно, направился к сейбе, где рыжий американец спокойно ожидал его, сидя на одном из больших корней.

Он сильно проголодался, но времени даром не терял – собрал часть латекса, который Архимедесу нужно было принести в лагерь.

Вместо приветствия он ограничился лишь комментарием:

– Теперь будем делить все поровну: и работу, и еду. Кроме этого, я твой должник, ты спас мне жизнь, и я никогда не забуду этого.

Архимедес, не теряя время на пустые разговоры, перешел сразу к тому, что интересовало его более всего: к побегу.

План его был прост и одновременно невозможен в исполнении. Нужно было выждать несколько дней, пока все не успокоится, дожидаться пока Сьерра не вернется в Манаус; собрать как можно больше провизии и идти по земле, прорубаясь сквозь джунгли в горы, до перекатов. Там напасть на часовых со спины, разделаться с ними, захватить их оружие и лодки, и спускаться вниз по реке насколько удача позволит.

– Далеко мы не уйдем, – заметил американец. – Ниже по течению располагается другой пост охраны, потом еще один, далее еще... И к тому же мы не знаем где большинство постов находится. На нас будут охотиться, как на кроликов.

– По крайней мере, им придется напрячься. Еще я надеюсь прикончить нескольких из них.

– А ты убивал когда-нибудь? – поинтересовался «Гринго».

Архимедес отрицательно покачал головой.

– Никогда. И никогда не думал, что придется делать это. Но считаю, что эти люди не заслуживают того, чтобы жить.

– Я тоже думал, что у меня имеются весьма веские причины начать делать это, – возразил Говард, – но вскоре понял, что те основания были не достаточно сильными и не достаточно вескими. Вначале ты чувствуешь себя, как больной, и считаешь, что скорее сам сдохнешь, чем повторить это. Но, тем не менее, потом привыкаешь, и ничто уже тебя не волнует.

Оставь их для меня, если, конечно, это тебя устраивает, а сам держись в стороне.

– Нет, я решил, – упрямо возразил ему «Северянин». – Не достаточно просто убежать отсюда и спасти свою жизнь. Кто-то должен заплатить за все эти годы. И также заплатить за то, что произошло прошлой ночью.

– Что тебе до нее? Ты же не знаком с ней и даже никогда не видел.

– Кажется, что даже если я проживу тысячу лет, то все время буду помнить те крики.

– Ты видел её после этого? – спросил «Гринго».

– Нет. До утра в хижине оставались мужчины. Но когда уходил, стонов уже не было слышно.

– Как ты думаешь, выживет?

– Кто бы мог знать... Ты, вообще, любил ее?

Американец отрицательно покачал головой. Острием мачете он задумчиво рисовал фигуры на земле или резал упавшие листья на маленькие кусочки. Некоторое время молчал, но, наконец, произнес медленно:

– Нет. Не люблю ее, и никогда не любил. Она была девочкой хозяина, красивая женщина и мне захотелось переспать с ней, о последствиях я и не думал. Она также не любила меня. Она сделала это из мести, чтобы показать, хотя бы таким образом, что презирает Сьерру. Просто я оказался единственным, кто осмелился поддержать ее в этой аванюре.

– И дорого заплатил за все.

– Да, действительно дорого. Но клянусь тебе, что однажды эта свинья-аргентинец также заплатит за все. Это будет стоить ему жизни и смерть его будет такой медленной, такой ужасной, что не могу описать тебе сейчас. Я еще не придумал, как расправлюсь с ним.

– На то будет время, если сумеем выбраться отсюда. А сейчас нужно собрать весь мой каучук, если не хочу, чтобы завтра меня оставили без пропитания.

Они встали и пошли по тропе, что петляла среди высоких стволов каучуковых деревьев. Когда подошли к первому дереву, Архимедес одел на ноги шипы, обвил дерево крепкой веревкой и начал карабкаться вверх, где сделал надрез на коре с помощью мачете и быстро наполнил миску. Подойдя ко второму дереву, вверх полез уже «Гринго» и так, обойдя все деревья,

довольно быстро собрали дневную норму каучука, которую «Северянин», должен был отнести в лагерь.

Потом они сели передохнуть и в очередной раз обсудили детали предстоящего побега. Когда начало темнеть и бразилец отправился в обратный путь, он шел с твердой уверенностью, что там, под высокой и раскидистой сейбой, он оставил товарища, с кем можно было ринуться с закрытыми глазами на встречу любым опасностям и сбежать, наконец, из этого ада.

Когда на следующее утро он уже собирался уйти из лагеря, его неожиданно вызвал к себе в большую хижину Жоао.

– «Гринго» исчез, и ты возьмешь на себя его деревья. С завтрашнего дня будешь приносить по сорок литров каучука.

– Никто не собирает по сорок литров в день, – возразил ему «Северянин».

– Возьмешь с собой индейца из новых, из тех, кого Сьерра привез, – приказал ему надсмотрщик. – Выберешь того, кто больше понравится. Покажешь ему как все делается, заставишь его работать, чтобы помогал тебе, но без сорока литров лучше не возвращайся.

Возражать не было ни смысла, ни возможности, и Архимедес пошел к небольшому загону, где взаперти держали индейцев. Ничто у него сейчас не вызывало большего недовольства, чем перспектива ходить по лесу в компании с каким-то индейцем, но он также знал что ему грозит, если осмелится не выполнить приказ.

Охранник, стороживший вход, пропустил его безо всяких вопросов. Он медленно осмотрел группу уставших и деморализованных индейцев, от которых мало проку можно было ожидать, но, в общем и целом, они выглядели здоровыми и сильными.

Взгляд его задержался на одном из них, кто более походил на вождя или на человека знатного рода и выглядел менее сломленным, чем его товарищи. Сидел он на корточках, чуть в стороне от остальных, и смотрел на него прямо и пристально – что среди коренных жителей Амазонии считается поведением необычным.

Он сел перед ним точно также, на корточках, и некоторое время молча смотрел ему в глаза, потом спросил:

– Говоришь по-христиански?

– Рамиро говорит по-христиански, когда захочет, – ответил индеец. – И всегда понимает.

– Кто есть Рамиро и каково его полное имя? – поинтересовался Архимедес.

– Рамиро – брат великого Типуани, вождя семей аука с Курараи. Но Типуани умер по пути сюда. Теперь нет вождя, и не осталось семей на берегах Курараи. Его полное имя Рамиро «Мало-мало».

– «Мало-мало» – очень странное имя для такого большого и сильного индейца, брата вождя Типуани.

– Раньше Рамиро звали Пайярмино, – уточнил индеец, – но Рамиро все делает медленно, хорошо обдумывая. Поэтому его и прозвали «Мало-мало».

Архимедес некоторое время молчал, раздумывая, взвешивая все за и против этого индейца. Наконец он решил.

– Хорошо, «Мало-мало», меня устраивает, что ты все делаешь медленно. Хочешь работать со мной? Я для тебя буду точно таким же, а может быть и лучше, чем все остальные.

– Рамиро знает, что ты будешь лучше, чем кто-нибудь другой, – ответил индеец. – Рамиро видел, как прошлой ночью ты не ходил в женскую хижину с другими сборщиками. Только ты и тот с цветными волосами. Рамиро согласен работать с тобой.

Архимедес удивленно посмотрел на него.

Трудно было поверить в то, что индеец в темноте смог разглядеть, как он не входил в хижину Клаудии. Возможно, он видел в темноте словно кошка – способность, которую белые

иногда приписывали индейцам. Он собрался было сказать что-то, но передумал, пожал лишь плечами, поднялся на ноги и позвал охранника, чтобы тот снял кандалы с индейца.

Минут через десять они уже шли по лесу, высматривая высокие каучуковые деревья.

Когда подошли к первому, «Северянин» показал как нужно одевать шипы, как обвязывать ствол толстой веревкой и как карабкаться по нему, чтобы сделать надрез на коре, каждый раз все выше и выше, чтобы таким образом добыть сок.

Рамиро попросил повторить что и как нужно делать, все выслушал внимательно и потом одел шипы и полез наверх с необыкновенной ловкостью. С мачете он управлялся так же уверенно, как и сам «Северянин» и так же легко спустился на землю. Архимедес поздравил себя с удачным выбором.

Подвел его к следующему дереву и приказал, чтобы он проделал все то же самое со всеми деревьями, которые найдет вдоль тропы, и, добродушно посоветовав ему даже не помышлять о побеге, поскольку ни время, ни место не подходили для этого, а последствия будут ужасными, ушел, пообещав вернуться и найти его.

Когда он встретился с Говардом, рыжий американец выглядел обеспокоенным.

– Желательно, чтобы он даже не заподозрил о моем присутствии, – предупредил он. – Мне очень не хотелось бы убивать этого индейца.

Архимедес как смог успокоил его. Оставил еду, что принес с собой, и забрал собранный американцем каучук. Когда вернулся к тому месту, где трудился Рамиро, то увидел, что индеец и в самом деле работал медленно, но все делал тщательно и основательно. Весь оставшийся день они усердно трудились вместе и к тому моменту, когда нужно было возвращаться в лагерь, почти что собрали требуемые сорок литров.

Архимедес подумал, что следует ускорить подготовку и перенести побег на более близкое время, иначе работа в таком ритме измотает его сверх меры.

Однако, пришлось терпеть это еще в течение двух недель.

Сьерра все не уезжал и побег в то время, когда он оставался в лагере, был настоящим безумием. Жоао и его люди, подгоняемые самим хозяином, не остановятся, пока не найдут их, даже если они спрячутся в самом аду. Когда же хозяин отбудет к себе Манаус, то все упростиется, и его люди не будут проявлять такого рвения.

Через неделю он первый раз увидел Клаудию, поддерживаемая с обеих сторон женщинами, жившими вместе с ней в хижине, она попыталась прогуляться вдоль берега реки.

Бледная, сломленная и страшно исхудавшая, она с трудом передвигала ноги. Если сборщики каучука продолжают выстраиваться в очередь к ней, то она не протянет и пару месяцев.

Когда он рассказал про это Говарду, тот сильно расстроился.

– Я хотел бы забрать ее с нами, – сказал он. – Хотя бы попытаться вытащить ее отсюда, чего бы это ни стоило.

– Скорей всего она умрет в пути, – ответил ему Архимедес. – У нее совсем не осталось сил. Да даже если бы и были силы, то, все равно, женщина не сможет выдержать все трудности побега.

– Полагаю, что она предпочла бы умереть на свободе, чем от рук этой банды дикарей. Нужно спросить ее.

«Северянин» удивленно посмотрел на него.

– Кого спросить? Ее?

– Она нас не выдаст, – заверил его Говард. – Пойди к ней, словно ты один из тех, кто хочет переспать с ней, и когда останетесь наедине, передай, что пришел от меня. Расскажи, что мы собираемся бежать и уведем ее с собой. Предупреди ее, что если она отстанет, то мы бросим ее, но если справится со всеми трудностями, то пойдет с нами до конца.

Архимедесу совсем не понравилось это предложение. Он предчувствовал, что все это может закончиться очень плохо и повлечет за собой большие проблемы, но, представив

девушку и через что она прошла, пришел к выводу, что и в самом деле лучше будет, если она умрет в сельве, чем в той грязной хижине.

Этой же ночью он занял очередь и, продолжая пребывать в плохом настроении, вынужден был терпеть насмешки других работников, полагавших, что наконец-то сдался последний, кто вначале не желал разделить общую вину за содеянное.

Когда он вошел в вонючую хижину, едва освещенную печальным пламенем свечи, Клаудия даже не взглянула в его сторону, лежала с закрытыми глазами, не шевелилась, словно мертвая, оставалась распростертой на грязном матрасе в той же самой позе, в какой ее оставил предыдущий посетитель.

Архимедес присел рядом, несколько раз потянул ее за руку, чтобы она открыла глаза. Лежала она совершенно обнаженная, и хотя тело у этой женщины было красивое, но «Северянин» не ощутил ни малейшего желания воспользоваться им.

– Клаудия! – позвал он шепотом. – Клаудия, послушай, пожалуйста. Меня прислал Говард, «Гринго».

Девушка открыла глаза, взгляд у нее был отсутствующий, остекленевший, словно она спала, но все же, перевела этот неживой взгляд на него и едва слышно произнесла:

– Говард умер.

– Нет, это не так. Клянусь, что это не так, – постарался убедить ее Архимедес. – Он жив. Скрывается в сельве, жив и здоров. Мы виделись этим вечером. Он послал меня спросить, согласно ли ты бежать с нами.

Очень медленно, но значение тех слов все же проникло в затуманенное сознание девушки. Какое-то время она никак не реагировала, продолжала лежать без движения, закрыла глаза на какое-то мгновение и, как показалось Архимедесу, вздохнула с облегчением, будто ожидала эти слова с того самого момента, как весь кошмар начался.

– Вытащи меня отсюда, – взмолилась она. – Вытащи, чего бы это ни стоило.

– Постараемся, но это может стоить тебе жизни, – предупредил ее Архимедес.

– Все, что сейчас делается, хуже, чем смерть, – ответила она. – Каждую ночь думаю кинуться в реку, чтобы пираньи покончили со мной. Уведите меня отсюда!

– Мы уведем тебя, но не сейчас, через несколько дней. Постарайся набраться сил. Ешь больше и постарайся привести себя хоть немного в порядок. Побег будет очень тяжелым и сложным.

– Я все сделаю, – ответила она уверенно. – Через неделю буду готова.

Им бы еще хотелось поговорить: Клаудии, потому что он был единственной надеждой на спасение, Архимедесу, потому что приятно было хоть как-то утешить девушку, но снаружи уже волновались новые посетители, ожидая своей очереди, и сердито кричали, поскольку «Северянин» задержался, развлекаясь, дольше, чем полагалось.

На следующий день он заметил, что его индеец посматривает на него несколько странно и держится враждебно, и молчит больше обычного.

Пару раз он спросил его об этом, но ответа не получил и наконец догадался сам.

– Понимаю, – прокомментировал он. – Твои глаза кошки, которая никогда не спит, видели, как я входил в хижину Клаудии.

Он попытался оправдать свои действия, хотя и не понимал, зачем делал это, да и никаких причин на это не было.

– Я очень хотел бы объяснить тебе, зачем ходил туда и почему это сделал, – сказал он. – Но, думаю, что ты не поймешь.

Индеец остановился и внимательно посмотрел на него.

– Рамиро «Мало-мало» может понять все, – ответил он. – Он даже может понять то, что ты носишь еду и прячешь человека с крашеными волосами. Но не может понять, как тебе

может нравиться женщина, которую отдают против ее воли, и зачем ты стоишь в очереди с другими мужчинами.

Архимедес замер на месте, словно его поразила молния. Он даже не подозревал, что индеец знает про американца, и не представлял каким образом он разузнал про него, поскольку всегда оставлял его и находил на том же месте спокойно работающим.

– И как давно ты знаешь про «Гринго», – спросил он.

– Рамиро узнал об этом на следующий день, – спокойно ответил тот. – Рамиро хоть и «Мало-мало», но когда захочет, ходит по сельве очень быстро и очень тихо.

– Если бы ты сдал нас, то получил хорошее вознаграждение, – сообщил ему «Северянин».

– Рамиро не нужно никакого вознаграждения, кроме как вернуться на свою землю и перестать быть рабом. Рамиро надеется, что, убежав с тобой, он получит это.

Архимедес облокотился о ближайшее дерево и рассеяно почесал голову.

«Вот тебе и на! А казался дурачком. А у него уже имеется свой план».

– Рамиро будет очень полезен, если возьмете его с собой, – продолжил индеец. – Он хороший проводник, знает сельву и ходит очень тихо. Он сможет пройти до своей земли на берегах Курараи, что протекает рядом с Великой Напо.

– Напо?! – воскликнул Архимедес. – Не сошел ли ты с ума? Да ты вообще представляешь где находится Напо? На противоположной стороне Амазонии. Нам понадобится спуститься по Эль Негро, затем подняться по Великой Реке... Да ты просто не знаешь, что говоришь!

– Рамиро знает, что говорит, – упрямо повторил индеец. – Рамиро хорошо изучил путь, по которому его привели сюда. Сначала спустимся по Эль Напо, затем поднимемся по Великой Реке и опять поднимемся по Эль Негро до самой Курикуриари. Но так получится слишком широкая дуга. Если идти верхним путем, то через сто дней пути Рамиро сможет вернуться к Эль Напо.

И пока он это говорил, опустился на корточки и на утоптанной земле тропинки начертил, несколько приближенно, контуры этих рек. Архимедес внимательно изучил грубо нарисованную карту и в глубине души согласился с тем, что индеец был прав. Он пристально взглянул на него.

– Ведь Напо в Эквадоре, не правда ли? – спросил он.

– Да, в Эквадоре, – подтвердил индеец.

– В Эквадоре у каучуковых баронов нет такой власти и силы. Могущество Араньи простирается и туда, но то уже не его владения, – размышляя вслух, пробормотал Архимедес, потом, обернувшись к индейцу, спросил:

– И от Эль Напо можно добраться до земель, где живут белые люди?

– Рамиро за три дня доведет тебя от своих земель до города Тена, туда эквадорские солдаты не пускают сборщиков каучука. Говорят, что за четыре дня можно добраться от Тены до большого города, столицы страны, где белых людей тысячи, и никто даже не говорит про каучук.

– Кито!

– Кито? – недоверчиво повторил Говард. – Да ты спятил? Как ты можешь всерьез воспринимать этого индейца, когда видишь его первый раз в жизни? Что он может знать о географии? Он не умеет ни читать, ни писать, и не знает что такое карта... Какая глупость, в самом деле!

– Да, но он прав, – настаивал Архимедес. – Его план гораздо лучше нашего. По нашему плану если мы убежим, то все будут знать, что мы спускаемся по реке к Манаусу. Нас будут стеречь на каждом повороте и схватят рано или поздно. Но если мы сделаем так, как сказал Рамиро, если пересечем колумбийские земли и при этом сумеем избежать встречи с людьми Эчеваррии, то через сто дней доберемся до Путумайо и оттуда до Напо.

– Никто не сможет выдержать сто дней в джунглях. Мы тысячу раз потеряемся там; мы там сойдем с ума. У нас нет ни провизии, ни оружия, у нас ничего нет. И что тебе, вообще,

известно об этом индейце? Кто может гарантировать, что он не сбежит на второй день или не бросит нас при первой опасности?

– Рамиро дойдет за сто дней до Напо, – упрямо возразил индеец. – Рамиро не врет. Рамиро может идти один.

Говард задумался, внимательно смотрел на индейца, изучая его, было видно, что сомнения терзали его.

Наконец он принял решение, безнадежно махнув рукой, воскликнул:

– Да какого черта! По мне что так, что эдак. Предупреди Клаудию. Если верно, что Сьерра уезжает завтра, то выходим через неделю. Не хочу рисковать, оставаясь слишком долго здесь.

– На следующей неделе, – повторил Архимедес задумчиво. – Но раньше нужно убить собак Жоао. Они легко возьмут наш след.

– Не стоит убивать собак, лучше убить самого Жоао, – предложил «Гринго». – Собаки слушаются лишь его, а у охранников и решимости, и пылу поубавится, если они останутся одни.

– Не так уж и легко убить этого Жоао, – возразил Архимедес. – Многие пытались, и никто из них не сможет теперь рассказать чем дело закончилось.

Американец промолчал, он задумчиво смотрел куда-то, на какую-то лишь ему одному видимую точку, наконец произнес:

– Предупреди Клаудию.

Решено было бежать ночью в субботу, через неделю после отъезда Сьерры, потому что по субботам Жоао приказывал привести к себе в хижину Клаудию, где имел обыкновение оставаться с ней до утра.

Едва наступила ночь, Архимедес прокрался под хижину надсмотрщика в то время, когда тот отсутствовал, осторожно раздвинул прутья тростника, из которого был сплетен пол, и в образовавшуюся щель просунул острый нож, таким образом, чтобы рукоять торчала вверх и находилась точно под его койкой.

Хижина Жоао была сооружена по тому же принципу, что и все остальные жилища в лагере – была поднята над землей на четырех столбах в рост человека, и делалось это специально, чтобы уберечь обитателей от неожиданных подъемов реки и от нашествия насекомых и змей.

Покончив с этим, он вернулся к себе, поужинал тем немногим, что удалось достать, и потом вместе с индейцем они завершили несложные приготовления к побегу, вернулись оба к реке и сели на берегу недалеко от того места, где часовой сторожил пироги.

Уже глубокой ночью Жоао послал охранника за Клаудией. Едва она переступила порог, как он приказал ей раздеться и ходить обнаженной по хижине, а сам налил в стакан спирт.

– Выпей, – приказал он. – Может это тебя расшевелит, и тогда мы порезвимся немного.

Клаудия молча выпила. Жоао сел напротив и наслаждался какое-то время, рассматривая ее обнаженное тело, а она стояла перед ним не шевелясь.

Тогда негр разделся сам, и, стараясь вызвать в ней восхищение, продемонстрировал перед ней свои могучие мышцы и непропорционально большой половой орган.

– Если перестанешь вести себя, словно мертвая, и по субботам будешь доставлять мне удовольствие, то я смогу облегчить твое положение, – сказал он. – Здесь я всем распоряжаюсь. Одного моего слова достаточно, чтобы сборщики не посмели дотронуться до тебя и пальцем. Будешь обслуживать лишь охранников, но их немного, а для такой женщины, как ты, это будет пустяковое дело.

Клаудия продолжала молчать. Единственная мысль терзала ее: нужно было срочно что-то предпринять и сделать это нужно быстро.

Тогда она подошла к койке и легла. Негр, смущенный и немного обеспокоенный этим молчанием, хотел было сказать что-то, но передумал. Допил залпом остатки спирта и последовал за ней.

Клаудия терпеливо дожидалась того момента, пока не почувствовала наверняка, что негр, лежавший сверху на ней, дошел до такой степени возбуждения, когда с ним можно было делать все, что угодно. Тогда она опустила руку, пошарила по полу, пока не нащупала рукоятку ножа и хладнокровно, одним точным движением перерезала ему горло.

Выражение экстаза на лице надсмотрщика сменилось удивлением. Из раны обильным потоком хлынула кровь и окрасила руки и грудь женщины. Жоао весь содрогнулся, потом обмяк, словно из него выпустили весь воздух, и рухнул замертво, а кровь продолжала хлестать из разрезанного горла.

Несколько секунд Клаудия лежала неподвижно, отдыхая, потом отпихнула тело в сторону и встала с койки. В тазу смыла с себя кровь, нож вытерла о матрас и спрятала в складках одежды. Спокойно оделась и вышла наружу, даже не удостоив мертвеца взглядом.

Она ничего не чувствовала, совершенно ничего, будто в том, что она сделала, не было ничего ненормального, будто все было обыденно, более нормально, чем каждую ночь терпеть издевательства грязных работяг.

Не торопясь, как бы прогуливаясь, она спустилась к реке, подошла к охраннику, сторожившему пироги. Опершись спиной о ствол дерева, тот сидел на земле, спокойно курил, а ружье держал на коленях. Заметив в темноте ее приближение, он удивился. Вначале вскинул ружье и прицелился, но затем, приглядевшись, узнал и опустил оружие.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он. – Ты же должна быть этой ночью с надсмотрщиком?

Клаудия ничего не ответила, молча села на песок. Сидела неподвижно, словно любовалась рекой, текущей в ночи. Приподняв немного край юбки, обнажила часть бедра. Охранник следил за каждым ее движением, не отрываясь. Кинул быстрый взгляд вокруг, убедившись, что все спокойно, прислонил ружье к дереву, а сам подсел к ней, затем, обняв за плечи, заставил лечь на спину.

– Давай-ка воспользуемся моментом, а? – прохрипел он, едва владея собой.

И Клаудия позволила ему воспользоваться моментом, как он и хотел, но когда почувствовала, что в своем возбуждении тот достиг вершины и стал беззащитен, как и негр, достала из складок ткани нож и точно также, одним ударом, прикончила его.

Ни у Жоао, ни у охранника на тот момент, которым они воспользовались, не было ни времени, ни сил, чтобы издать предупреждающий крик. Все, что они смогли сделать – это содрогнуться в последний раз и умереть.

Спрятавшись в чаще, Архимедес и индеец молча наблюдали за происходящим, и у «Северянина» невольно холодок пробежал по спине, увидев как Клаудия какое-то время продолжала лежать под убитым ей охранником, горячая кровь лилась на нее, но потом все же отпихнула его в сторону и пошла к реке мыться.

Пришел он в себя тогда, когда индеец поднялся с земли, взвалил на спину то, что до этого подготовили к побегу, и крадучись, неслышной походкой двинулся по направлению к пирогам. Архимедес последовал за ним, как загипнотизированный. По дороге подобрал ружье охранника, кинул в самую большую лодку, куда уже забрался Рамиро и, перерезав веревку, позволил течению отнести пирогу от берега. Несколько раз окликнул Клаудию, что продолжала мыться, чтобы поторопилась. Помог ей влезть в утлое суденышко и, бесшумно опуская весла в воду, начал грести вниз по течению. Спустя несколько минут их силуэты растворились в темноте.

В зарослях тростника подобрали Говарда, терпеливо ожидавшего их там уже несколько часов. Когда начало светать, течение ускорилося, указывая на то, что они подходили к порогам.

Перед поворотом, за которым и начинались пороги, они пристали к берегу, вытащили пирогу, спрятав ее в кустарнике, и пошли в джунгли, оставив спящую Клаудию на дне лодки.

Индеец впереди, Архимедес и Говард чуть позади, они шли по лесу, выискивая тропу, которая привела бы их к охранникам, дежурившим на порогах. И оба очень удивились тому, с какой быстротой и уверенностью Рамиро вывел их к хижине.

Крадучись приблизились, Архимедес держа ружье наготове, а у «Гринго» в руке был его короткий метательный нож, у всех трех были еще длинные мачете сборщиков каучука, без которых невозможно вообразить существование в сельве.

Приблизившись к хижине меньше, чем на пятнадцать метров, они остановились, не выходя из чащи, и долго наблюдали, но со стороны хижины не доносилось ни звука. Индеец показал рукой на камни, поднимавшиеся над рекой, где дежурил один из охранников, вооруженный ружьем. Почти незаметный, он лежал на каменной плите на животе и, казалось, спал. Присмотревшись как следует, они поняли, что это не так, просто таким образом было удобней наблюдать за тем участком реки, да и сам охранник оставался невидим. Ночью стеречь пороги было не обязательно, поскольку при таком течении любая лодка, намеревавшаяся пересечь этот участок реки, разбилась бы о камни.

Говард шепнул, что возьмет охранника на себя и начал подкрадываться к нему. Архимедес приготовил ружье.

Но как бы не старался рыжий американец, между ним и охранником всегда оставалось открытое пространство, пресечь которое незамеченным было невозможно.

Индеец и бразилец молча, не шевелясь, наблюдали за продвижением американца, который добрался до края леса, сделал рукой знак своим товарищам и быстро побежал к тому месту, где находился охранник. Тот, судя по всему, все же услышал что-то и успел обернуться. На лице его не было и намек на тревогу, должно быть он не ожидал ни какой опасности со спины, со стороны леса. Когда же попытался среагировать, то было уже поздно: «Гринго» остановился и молниеносным движением руки метнул свой короткий нож. Охранник даже не успел схватить ружье, упал в реку, и если он и успел крикнуть, то звук его голоса потонул в шуме стремительно несущейся воды.

«Гринго» вернулся к своим товарищам, и они вместе вошли в хижину.

Двое мужчин спали в своих гамаках и никогда уж более не проснулись. Ударами мачете прикончили обоих, и кровь их начала капать через щели в тростниковом полу на землю.

Прихватив с собой ружья, все запасы еды, что удалось найти, и одежду, «Северянин», Говард и индеец вернулись к пироге, где нашли Клаудию все также спящей, словно ничего и не произошло. Проснулась она только тогда, когда начали проходить пороги, и сильное течение кидало лодку из стороны в сторону так, что ей пришлось изо всех сил схватиться за борт, чтобы не вылететь из пироги в реку.

Рамиро сидел на корме и веслом направлял лодку, а «Гринго» и Архимедес гребли что есть мочи и лодка ловко обогнула все подводные камни и водовороты, а когда вышли на спокойную воду, то продолжали грести, не останавливаясь, в течение всего дня и ночью также.

Утром Рамиро показал на приток реки, располагавшийся по правую руку и уходящий в юго-восточном направлении. Вода там была черная и удивительно чистая, течение быстрое, но не стремительное.

– Рамиро думает, что это хорошая дорога, ведущая к Напо, – указал он. – Рамиро уверен, никому не придет в голову, что мы пошли здесь вверх по течению.

«Гринго» и Архимедес переглянулись. Клаудия продолжала сидеть молча. С того момента, как они покинули лагерь, она не произнесла ни слова.

Говард лишь пожал плечами.

– Если собираешься довести нас до Кито, индеец, то только ты знаешь как это сделать, а стало быть – ты и приказываешь. Говоришь, что нужно идти по этой реке? Значит, пойдём по ней.

Архимедес кивнул, дав понять, что согласен с американцем, и они налегли на весла, чтобы справиться с напором воды, несущейся в Курикуруари.

В течение трех дней и ночей они гребли не останавливаясь, все время вверх по течению, по совершенно незнакомой реке, а вокруг простиралась джунгли, где не видно было ни одной живой души и только в ветвях скакали обезьяны, и крикливые попугаи перелетали с одного дерева на другое.

Гребли не останавливаясь. Пока одни спали на дне пироги, другие работали веслами. И даже в самые глухие ночи, когда ни луны, ни звезд не было видно за облаками, глаза индейца различали и камни, и водовороты, и затопленные стволы деревьев, едва поднимающиеся над водой.

День ото дня, по мере того, как они поднимались все выше и выше по течению, русло реки начало мелеть, и, наконец, наступил такой момент, что им пришлось дольше толкать лодку, чем сидеть в ней и грести. Этой ночью, ввиду того, что стало невозможно продвигаться вперед через нескончаемые мели, решено было остановиться и отдохнуть первый раз за все это время.

Разбили лагерь на небольшом песчаном пляже и, не разводя огня, доели оставшиеся съестные припасы, а потом легли спать, прямо на светлом речном песке и сразу же провалились в глубокий сон, не заботясь даже о том, чтобы выставить часового.

Архимедес проснулся, как только забрезжил рассвет. Лежа на спине, он смотрел на небо, окрасившееся в красные тона и на небольшое белое облачко, скользящее по небосклону, на высокие деревья, поднимающиеся у него над головой, слушал легкий шум реки и голоса попугаев, возобновивших свой бесконечный спор и перелетавших с ветки на ветку. И он почувствовал себя счастливым, ему показалось, что наконец-то, наверное, в первый раз открыл для себя сельву – это бескрайнее зеленое пространство, что до этого момента представлялась ему в виде огромной тюрьмы: бесконечное количество высоких прутьев в гигантской решетке, окружившей его со всех сторон и за которой он был заперт. Но сейчас все выглядело по-другому: у неба появился цвет, и он был другим, не таким, как раньше; зелень листвы стала более насыщенной и яркой; звуки сделались чище и звонче.

Он приподнялся и взглянул на Говарда, тот лежал рядом и тоже не спал, и вполне возможно думал о том же. Клаудия спала. А Рамиро нигде не было видно, пока он не разглядел фигуру индейца, сидящего на корточках у небольшой заводи с опущенными в воду руками. Сидел он совершенно неподвижно, так что более напоминал камень среди других камней, чем живого человека. Он наблюдал за ним, не осмеливаясь позвать, восхищаясь выдержкой индейца, который мог не шевелиться столько времени, пока вдруг не вскинул руки с зажатой в них толстой рыбой и кинул ее на берег, далеко от воды. Потом вскочил на ноги, подбежал к ней и убил, сломав хребет, и бросил к другим, что уже лежали без движения на песке. Архимедес подошел к нему и, пока умывался в реке, сказал:

– Не понимаю, как это у тебя получается не шевелиться столько времени, стоять подобно изваянию.

– А Рамиро это понимает, потому что научился ловить рыбу так, когда был еще мальчишкой. Ты тоже научишься, если есть захочешь.

Когда «Гринго» и Клаудия поднялись, индеец принялся собирать сухие сучья, чтобы развести огонь и жарить рыбу. Американец вначале забеспокоился, что дым может привлечь к ним внимание, но индеец успокоил его:

– Рамиро сложит такой костер, дым от которого нельзя будет увидеть. Никто никогда не сможет обнаружить Рамиро по дыму от его огня.

Он принялся жарить рыбу, и пока рыба висела над пламенем, размахивал в воздухе сломанными ветками с листьями так, что дым рассеивался, растворялся в воздухе и не поднимался к верхушкам деревьев. Но вскоре он все равно погасил огонь и закончил приготовление рыбы уже над углями.

Пока они ели, Говард мимоходом заметил:

– Со щепоткой соли это было бы просто отменное блюдо.

После этих слов Рамиро поднялся на ноги и ушел в лес, но вскоре вернулся с пучком каких-то сухих трав, перетер их в порошок меж двух камней и посыпал этим рыбу американца. Тот попробовал осторожно и удивился вкусу, хотя это и не была соль, но вкусовые ощущения были очень похожи.

– Рамиро считает, что нам все равно нужно найти соль, – сказал индеец. – Здесь, в джунглях, без соли белый человек слабеет и заболевает.

Закончив завтракать, они двинулись дальше вверх по течению, все время толкая пирогу перед собой, до тех пор, пока река не превратилась в ручеек, который, в конце концов, исчез в траве и сельва сомкнулась вокруг них.

Лодку спрятали в надежном месте, она выручала их в течение многих дней, но сейчас могла выдать, указав преследователям место, до которого они дошли. Забрав с собой то нехитрое имущество, что осталось в их распоряжении, они пошли через джунгли, прорубаясь сквозь заросли, следуя за индейцем, который искал какой-нибудь водный путь, что помог бы им добраться до реки Марие.

Восемь дней шли они через лес, не встречая на своем пути каких-нибудь трудных и опасных препятствий. Изредка им попадались тропинки, проложенные либо зверями, либо ведущие к какой-нибудь индейской деревне, еще реже встречались каучуковые деревья с запекшимися шрамами на коре, указывающее на то, что сборщики каучука проходили здесь очень и очень давно. Потом незаметно заросли стали более густыми и трудно проходимыми, и всякие следы человеческой активности исчезли совсем, и чем дальше они уходили на юг, тем сложнее им стало прокладывать путь через лес.

Почва сделалась влажной и болотистой, деревья достигали невероятной высоты и в течение пяти дней они не могли видеть ни кусочка неба сквозь непроницаемый полог из листьев и ветвей, а внизу царил густой, туманный сумрак, в котором контуры окружающих предметов словно бы растворялись, и все это действовало на людей самым угнетающим образом, и даже индеец немного растерялся, а однажды им показалось, что они и вовсе заблудились, и это по настоящему было страшно.

Как-то утром Рамиро встал раньше обычного, когда еще было темно, и с помощью шипов, какими он пользовался на плантации, и с которыми ни за что не хотел расставаться, как бы тяжелы и неудобны они не были, обвязавшись толстой лианой, полез на самое высокое дерево. Верхние ветви этого гиганта простирались над вершинами окружающих деревьев. Он карабкался вверх все выше и выше, пока его крошечная фигурка не скрылась среди ветвей и там, на самом верху, на высоте в сорок метров, раскачиваясь на ветвях над этой пропастью, в компании обезьян арагуатос, терпеливо дожидаясь восхода, чтобы сориентироваться по солнцу. Оттуда, с вершины этого гигантского дерева, он увидел бесконечное зеленое море из вершин миллионов, похожих друг на друга, деревьев, что, повторяя изгибы местности, волнами расходились в разные стороны.

Наконец показалось солнце, и он с удовлетворением отметил, что вошло оно чуть в стороне от того места, где и предполагал, а это означало, что хоть они и свернули немного на юго-восток, но, в общем и целом, шли в верном направлении.

Внизу его ожидали взволнованные товарищи, но женщина продолжала оставаться молчаливой и безразличной ко всему, казалось, ей было совершенно неинтересно в каком направ-

лении они пойдут, лишь бы не оставаться на месте, а двигаться вперед. Спустившись на землю, индеец сделал зарубку на стволе дерева и, указав направление, лаконично объяснил:

– Туда.

Туда, стало быть, туда, и они без возражений двинулись в указанном направлении, измотанные и голодные, пока на их пути не попало небольшое, неглубокое озерцо, которое пришлось обходить по берегу и на это они потратили целый день. Вода в озере оказалась на редкость грязной, и чтобы заняться там ловлей рыбы не было и речи. На противоположной стороне озера лес принял совсем уж необычные, фантазмагорические формы и время от времени на их пути попадались большие каучуковые деревья без единого надреза на коре – явный признак того, что сборщики каучука, несмотря на свою жадность и амбиции, никогда не заходили в эти места. Архимедес прикинул, что на берегах того озера произрастало столько каучуконосов, что этого количества хватило бы сделать с дюжину таких, как он, людьми состоятельными.

Он все еще продолжал размышлять над тем, почему никто не приходил сюда, когда обратил внимание на то, что на его пути начали появляться змеи, и чем дальше он шел, тем больше их становилось, все больше и больше, так, что иногда создавалось впечатление, будто пресмыкающиеся со всей Амазонии сползли сюда, на этот необычный конгресс. Там были всякие змеи: жакарандас и карибитос, куама-кандела и коралловые змеи, и ложные коралловые змеи и еще десятки других, чьи названия они знали и некоторые, которые они видели впервые в жизни, а с ветвей деревьев доносился вой обезьяньих пауков и казалось, что все ядовитые твари, обитавшие в джунглях, собрались именно в этом месте.

Даже Рамиро был впечатлен и шел, ступая очень осторожно, в какой-то момент он даже срубил длинную палку и, не прощупав землю впереди, не делал ни одного шага. А вокруг палки извивались и шипели змеи, некоторые бросались прямо на ноги и только благодаря его острому зрению и невероятной ловкости, ему удавалось увернуться от них и избежать смертельных укусов.

К счастью они смогли покинуть это ужасное место еще до наступления темноты. Когда увидели, что сельва начала меняться и количество змей под ногами сократилось, то только тогда вздохнули с облегчением, еще и потому, что осознали, что теперь между ними и их возможными преследователями возникло препятствие, преодолеть которое тем будет очень и очень трудно.

– Теперь я понимаю, почему те деревья никто не тронул, – прокомментировал «Северянин». – Нет таких смельчаков, отважившихся получить из них смолу.

Обернувшись к девушке, спросил ее:

– А тебя змеи не пугают?

Клаудия взглянула на него пристально, словно не поняла вопроса:

– Змеи? Какие змеи? – переспросила она.

Архимедес и «Гринго» переглянулись. То были первые слова, произнесенные ею за все эти дни. И они подумали бы, что у нее с головой не все в порядке, но на протяжении всего пути она в точности исполняла, что от нее требовалось, без малейших возражений. Когда нужно было идти – она шла, когда подходило время есть – она ела, когда отдыхать – она отдыхала. Но делала все это почти автоматически, без всякого желания, словно на самом деле ей было безразлично ест ли она, идет ли куда-нибудь или отдыхает.

На следующий день они вышли к небольшому ручью, что нес свои воды на юг и пошли по нему. Вода доходила до колен, но когда глубина увеличилась, они выбрались на берег, при помощи мачете срубили несколько деревьев и соорудили из них плот, перевязав стволы лианами. Выглядел плот неказистым, угловатым и не очень надежным, но, будучи спущенным на воду, оказался в состоянии выдержать вес всех четверых.

Течение было не сильным, и плот медленно скользил по поверхности воды. В ручье водилось много рыбы, а в ветвях деревьев скакали обезьяны, так что всегда было чем утолить голод.

Рамиро соорудил несколько луков и, хотя было чудом, что у Говарда и «Северянина» получалось попасть из них в какую-нибудь движущуюся цель, но ловкий индеец умудрялся обеспечить едой всю группу. И тут уж все, и даже «Гринго», кто больше всех сомневался вначале, согласились с тем, что без помощи «Мало-мало» все они давно бы умерли с голоду или заблудились в джунглях.

К тому времени, когда ручей достиг широкой и полноводной реки, несущей свои воды на восток, они уже почти восстановили свои силы. В устье пристали к берегу и на всякий случай спрятались в глубине леса, потому что если эта река была Марие, то они находились во владениях Сьерры, и где-то на ее берегах располагалась одна из его факторий.

Рамиро ушел на разведку, но через час вернулся и сообщил, что на каучуковых деревьях в округе имеются следы надрезов и следы совсем свежие, сделанные дня три назад, но не позже.

Перспектива снова попасть в руки сборщиков каучука обеспокоила даже Клаудию, она начала подавать признаки жизни, по крайней мере, стала немного интересоваться происходящим вокруг, но продолжала упрямо молчать, и то, что она начала нервничать, можно было заметить лишь по резким движениям, да потому, как беспокойно потирала руки. Архимедесу было жалко девушку, и он подумал, что они либо выберутся отсюда, либо она окончательно сойдет с ума в этих бескрайних лесах.

Пару дней они оставались на месте, отдыхали, не зная в каком направлении следует двигаться, не представляя где находится лагерь людей Сьерры.

К вечеру второго дня Говард, стоявший в дозоре ниже по течению, прибежал, запыхавшись, и сообщил, что по реке поднимается пирога, а в ней два вооруженных человека.

То не могли быть простые сборщики каучука, только охранники или люди, посланные на их поиски, хотя было мало вероятно, что известие об их побеге успело дойти до этих мест.

Они какое-то время совещались, придумывая разные способы, как выманить тех, кто был в пироге, на берег, когда Клаудия вмешалась в спор:

– Я знаю, как это сделать, – сказала она тихим голосом.

Все посмотрели на нее. Вид у девушки был решительный и тогда, не долго думая, они быстро замели все следы на песке, и скрылись в чаще.

Клаудия осталась одна на берегу, легла на спину, так, чтобы ее легко можно было заметить с реки, и руку с зажатым ножом спрятала под собой в песке.

Вскоре пирога с двумя мужчинами появилась из-за поворота. Гребли они сосредоточенно, в едином ритме, не смотрели особенно по сторонам, и почти прошли мимо Клаудии, когда один из них вдруг крикнул:

– Эй, Кириако, глянь-ка... кажется баба...

И, развернув лодку, начали быстро грести к берегу. Когда подошли ближе, выбрались на песок, ружья все время наготове и внимательно следили за каждым подозрительным движением, один не спускал глаз с распростертой женщины, другой обшаривал взглядом заросли.

Было видно, как они напряжены, ситуация казалась им очень подозрительной. Архимедес, «Гринго» и индеец следили за ними и не смели даже дышать, держали их постоянно на «мушке», но стрелять не решались, опасаясь грохотом выстрелов нарушить тишину джунглей и привлечь внимание других.

Наконец, те двое немного успокоились и пока один, все время держа ружье наготове, продолжал осматривать прибрежные заросли, другой приблизился к Клаудии и склонился над ней.

Все дальнейшее произошло с такой скоростью, что даже Архимедес, внимательно следивший за каждым их движением, не смог в деталях разглядеть что и как случилось. Рука Клаудии, спрятанная в песке, стремительно поднялась, сверкнуло лезвие ножа и человек, склонившийся над ней, упал замертво с перерезанным горлом. Затем она с молниеносной быстротой

вскочила на ноги и, прыгнув на спину другому, приставила нож к его шее, но в этот момент Говард крикнул:

– Не убивай его! Пожалуйста, не убивай.

И кинулся к незнакомцу. Тот же, поняв, что сопротивление бесполезно, бросил ружье и поднял руки. Спустя несколько минут, он уже сидел на берегу с руками связанными его же ремнем, а Говард и Архимедес уселись на корточках напротив.

– Ты кто? – спросил его «Гринго».

Человек, все время поглядывая на труп своего товарища и бледный от страха, дрожащим голосом ответил:

– Меня зовут Сириако, я работаю на фактории Кармело Сьерра, «Аргентинца», на Марие.

– Где находится фактория? – задал вопрос Архимедес.

– В двух днях вниз по реке.

– А ты куда шел?

– Сменить охранников на перекатах, один день на пироге вверх по течению.

– Что еще там, на этих перекатах?

– Непроходимые горы, куда никто никогда не забирался, полно индейцев – совершенные дикари, множество змей и совсем немного каучуковых деревьев. Неинтересные места.

– И сколько времени потребуется, чтобы добраться оттуда до Жапура?

– До Жапура? – переспросил он, было видно, что он очень удивился вопросу, даже был ошарашен. – А кто бы знал... Никому и в голову не приходило такое. Может месяц, может два. Даже не знаю можно ли вообще добраться до тех мест.

– Сколько охранников на перекатах?

– Только двое.

– Как их зовут?

Пленный засомневался, стоит ли отвечать, подозревая что-то, но американец вынул мачете и поднес к самым его глазам.

– Как зовут их? – повторил он вопрос.

– Дионисио и Барето. Дионисио тощий и лысый, а Барето хромой.

Говард выпрямился и жестом показал, что допрос закончил. Все, что нужно узнать, он узнал. Вместе с индейцем они схватили охранника за руки и ноги и, несмотря на его отчаянные протесты и истошные вопли, раскачав посильней, швырнули в реку.

И хотя руки у него были связаны за спиной, но он сумел, все-таки, несколько раз вынырнуть, и кричал, умоляя о пощаде, звал на помощь, но течение подхватило его и понесло прочь от берега и, не доходя до поворота, он исчез под водой без следа. Индеец обыскал труп другого охранника, забрал все, что посчитал ценным, схватил за ноги и оттащил к воде. Из горла покойника все еще сочилась кровь, и вскоре появились пираньи. С берега, с безопасного расстояния, казалось, что тело прыгало в воде и сотрясалось от приступов смеха, но затем неожиданно исчезло, и на поверхности осталось лишь красное пятно, уносимое течением.

Все свое имущество они погрузили в пирогу и начали грести вверх по течению, в том направлении, куда плыли те, кто теперь лежал на речном дне.

На следующий день, как и указал охранник, впереди появились перекаты. Клаудия и индеец спрятались на небольшом острове, посредине реки, а Говард и Архимедес продолжили грести, держась середины реки, чтобы их смогли увидеть те, кто дежурил в этом месте.

– Дионисио! Барето!

Между камней появилось ружье, и голос грубый и властный приказал:

– Бросить оружие. Кто такие?

– Мы приехали сменить вас, – ответил Архимедес, подчинившись приказу. – Мы новенькие, прибыли вместе с Сьерра, когда он приезжал сюда в последний раз.

– А куда делись Сириако и «Замбо»? – спросил все тот же голос.

– В брюхе у пираний. Неделю назад их пирога перевернулась, и с тех пор про них никто не слышал.

Человек поднялся из-за камней. Успокоившись, он опустил ружье и поставил на предохранитель.

– Вот, ведь, собачья жизнь! – выругался он. – Когда меньше всего ожидаешь, кувырк! И уже в воде, а потом от тебя не остается ничего, даже костей найти не могут.

Тут взгляд его упал на лодку, и он снова забеспокоился.

– Так ведь это пирога Сириако! – воскликнул он. – Не она ли перевернулась?

– Пирании не едят лодки, – объяснил ему Архимедес.

Шутка охраннику понравилась, и он засмеялся, потом сказал, чтобы они шли в хижину. Дабы не вызывать подозрения, ружья оставили в лодке и послушно последовали за ним.

Другой охранник, Барето, следил за ними из окна, и когда они подошли, опустил ружье и поприветствовал их.

– Привезли «пойло»? – тут же спросил он.

– Там, внизу, бочонок самого лучшего спирта, – ответил Архимедес. – Привезен прямо из Манауса, высший сорт – это не то «дерьмо», что индейцы готовят.

Барето повесил ружье на гвоздь и, ругаясь по чем зря, хромяя, быстро спустился к лодке.

А Дионисио достал стаканы и недовольным голосом сказал:

– Уже дней десять, как ни глотка не осталось. Этот Барето, сволочь хромоногая, пропойца еще тот, за первую неделю все пойло высосал.

Он повернулся спиной на мгновение, и этого было достаточно – «Гринго» набросился на него, зажал рот рукой, а другой вонзил мачете меж ребер.

Дионисио попытался крикнуть, но из горла его вылетел лишь глухой хрип. Он начал заваливаться, и опрокинул бы, наверное, стол и стаканы, если бы американец не успел подхватить его подмышки, а потом медленно опустил тело на пол, вытер лезвие и встал рядом с дверью.

Прихрамывая, в хижину ввалился счастливый Барето, и прежде, чем он успел понять что происходит и опустить большую бутылку, из которой пил на ходу, отправился в лучший мир.

Говард и «Северянин» сели за стол, друг напротив друга, разлили спирт по стаканам.

– Начинаю чувствовать отвращение ко всей этой крови, – сказал Архимедес. – Скольких мы уже прикончили?

– Мы только начали, – ответил ему американец. – Я предупреждал тебя. Если хотим выбраться отсюда, то придется идти по горам трупов. Тут выбор небогатый: либо их жизнь, либо наша.

– А оно того стоит?

«Гринго» залпом осушил свой стакан и ответил:

– Что за вопрос! Конечно, стоит!

Архимедес выпил содержимое своего стакана и направился к двери.

– Пойду, поищу индейца и девчонку, – бросил он через плечо.

Говард остался один. Оттащил оба трупа к реке и сбросил их с крутого берега. Один из них упал в воду сразу, но второй зацепился за куст и повис на склоне.

Решено было заночевать в хижине.

Клаудия, хотя и не жаловалась, но выглядела уставшей, да и всем остальным отдых пошел бы на пользу. Развели огонь, ничего не опасаясь, и первый раз за все это время смогли приготовить горячую еду.

На следующее утро индеец встал очень рано и собрался идти на разведку, на поиски кратчайшего пути к далекой Жапура. Архимедес вызвался сопровождать его и вдвоем они ушли, когда еще было темно, а Говард и Клаудия продолжали спать.

Когда «Гринго» проснулся, девушка уже поднялась и готовила завтрак. Он поприветствовал ее, но его «доброе утро» не нашло другого ответа, кроме как легкого кивка головой. Закончив завтракать, «Гринго» провел остаток утра, развалившись в гамаке, и ничего не делал, лишь курил крепкий и черный табак, что отыскал в хижине.

Он был доволен. Теперь у них имелось оружие и провизия, а у одного из покойников он взял красивый револьвер, с большими белыми накладками на рукояти и еще... он наконец-то был свободен.

Он знал, что впереди лежит длинный, очень длинный путь, и на этом пути к землям, где живут цивилизованные люди, их ожидает бесчисленное количество трудностей, но ощущал в себе достаточно сил, чтобы справиться с любыми препятствиями и может быть даже так случится, что в один прекрасный день он вернется в Манаус, чтобы свести счеты с этим сукиным сыном – Сьеррой. Обдумав все, он пришел к заключению, что вернется в Манаус в любом случае, хотя сейчас они и удаляются от того проклятого города. Было что-то в том городе, что притягивало его. Может быть, ему предстоит обойти по кругу весь Континент, может быть, он вначале вернется в свою страну, где про него уже и забыли думать – будь что будет, но он вернется в Манаус. Говард, он же «Рыжий», никогда ничего не забывал, и можно, наверное, утверждать, что никто из его врагов не смог дотянуть до сегодняшнего дня. Оставить Сьерру в живых – было бы признаком трусости – один из первых сигналов, что он стареет, что он начал дряхлеть, а ему очень не хотелось, чтобы это случилось.

Пока он продолжал курить, размышляя по поводу своего положения, и что может ожидать в ближайшем будущем, взгляд его непроизвольно отслеживал все перемещения Клаудии по хижине, где она навела небольшой порядок, приготовила обед и сложила в мешки те припасы, что они возьмут с собой на следующий день. Потом увидел, как она взяла грязную одежду и спустилась к реке.

Когда же он решил, наконец-то, вылезти из своего гамака, солнце уже поднялось достаточно высоко и стало жарко. Вода в небольшой заводи была спокойная, и ослепительно сверкала под лучами солнца, а на берегу он нашел выстиранную одежду Клаудии и ее рубашку, что она разложила, чтобы высохли.

Спустившись к воде, он искал взглядом девушку и вскоре заметил ее, она мылась на противоположной стороне заводи. Не обращая ни на кого внимания, она стояла по пояс в воде и, не торопясь, намыливала спину и грудь.

Наблюдая за тем, как она покрывала себя пеной, скользя взглядом по ее красивому телу с белой кожей, смотря на высокую, крепкую грудь, на округлые руки, поднятые над головой, к нему непроизвольно вернулись те воспоминания, от которых он давным-давно постарался отказаться, предпочел похоронить на самом дне своей памяти.

Он не мог не признать того факта, что девушка, стоящая перед ним, была очень красивая, и еще он подумал, что давно уже не дотрагивался до женского тела.

Когда же Клаудия наконец заметила его, он подошел уже совсем близко и остановился у самой воды, рядом с сохнувшей одеждой, но это ее ни сколько не смутило и она даже не попыталась прикрыть свою наготу. Закончив мыться, она откинула на спину мокрые волосы и вышла на берег.

Свежая и чистая после купания, она собиралась пройти мимо, но Говард поймал ее руку и заставил остановиться.

– Клаудия...

Она молча подняла на него глаза, но выражение лица ее оставалось равнодушным, взгляд же был все тот же, отсутствующий и безразличный ко всему, что ее окружало, и не менялся с тех пор, как Сьерра отдал ее на растерзание своим работникам. Говард смутился, словно почувствовал, что если будет продолжать, то совершит какую-то чудовищную ошибку.

– Клаудия... – начал он снова. – Клаудия, я... Наконец он решил:

– Больше года я не дотрагивался до женщины. С того самого дня, как уехал из Манауса. И все это время я вспоминал о тебе. Я помнил тебя...

Он запнулся, не зная что и сказать. Полное равнодушие, с каким она выслушала те слова, его смутило.

Он отчаянно пытался придумать что-то, подходящее к такому моменту:

– Мы же были счастливы вместе, правда? И мы опять могли бы стать счастливыми.

Он осторожно притянул ее к себе, заставил сесть на песок, рядом с разложенной одеждой и сам сел рядом.

– Ну же, пожалуйста, – попросил он. – Давай представим, что ничего не произошло, что между нами все, как тогда было...

Он протянул руку и погладил ее волосы, провел ладонью по лицу, скользнул вниз к груди, но стоило ему дотронуться, как Клаудия вздрогнула, запустила руку под лежащую на песке одежду и выхватила оттуда нож. Говард инстинктивно отпрянул.

Клаудия, наоборот, подобралась ближе и поднесла нож к его лицу. Взгляд у нее уже не был сонным и безразличным, в глазах появился странный блеск, словно ее охватило непреодолимое желание или приступ лихорадки. Говард начал пятиться и почувствовал, что зашел в воду. Наконец, когда вода достигла его колен, он остановился смущенный, осознав в каком нелепом положении оказался: голая девчонка, угрожая ножом, загнала его в реку, и он решил не отступать дальше, будь что будет.

Клаудия также остановилась. Было видно, как несколько секунд она боролась с желанием проткнуть его ножом, но затем резко повернулась, вышла на берег, схватила свою одежду и пошла по направлению к хижине.

Говард продолжал стоять по колено в воде и молча смотрел ей вслед. Потом вздохнул глубоко и нырнул с головой в реку, чтобы смыть с себя выступивший по всему телу пот и освободиться от нервного напряжения.

Когда же Архимедес и Рамиро вернулись, он рассказал о случившемся.

– Для всех будет лучше, если мы оставим ее в покое, – закончил он. – Она способна перерезать глотку любому из нас. Очевидно, что у нее не все дома.

– Со временем придет в себя, – попытался успокоить его «Северянин».

Говард с сомнением посмотрел на него.

– Что касается меня, – добавил он, – проверять это я не желаю. И еще... я не хочу более видеть ее голой.

На следующий день они отправились в путь на поиски реки Жапура, уверенные в том, что дорога будет длинной и суровой, а дни насыщены испытаниями и тревогами.

Начиная от самых берегов Марие, пришлось продираться сквозь девственные джунгли, где не было ни единой тропинки, оставленной либо животным, либо человеком, где и следов человека невозможно было отыскать: ни дикарей, ни людей цивилизованных. Время от времени им попадалось нечто, похожее на тропинку, но то были проходы, проделанные дикими свиньями, непрерывно бродящими по сельве в поисках пропитания и в поисках укрытия от ягуаров.

Как правило, индеец Рамиро шел первым, расчищая с помощью мачете путь, и когда бока его и спина покрывались потом – верный признак того, что он начинал уставать, поскольку обычно совсем не потел, то Говард или «Северянин» его сменяли.

Как только забрезжит рассвет, что происходило в шесть часов утра, все вставали, Клаудия готовила завтрак и спустя полчаса они уже шли дальше.

Шли часов пять с небольшими привалами для отдыха или чтобы поохотиться, если по пути попадалось дерево, где водились обезьяны или попугаи, и в полдень устраивали более длительный привал, чтобы приготовить убитую дичь. Старались не трогать съестные припасы, которых и так было немного – муку, коричневый сахар – «папелон» и вяленую говядину, что

нашли в хижине у охранников Сьерры. Единственное, что позволяли себе использовать – это, конечно же, соль, сахар и кофе, чему невозможно было найти замену в джунглях.

Никогда не останавливались для еды дольше, чем на полчаса. А закончив есть, сразу же поднимались и шли дальше, до самого вечера, когда начинало быстро темнеть, что происходило ровно в шесть часов. Начиная с этого времени, они подыскивали место для ночлега, расчищали его, подвешивали гамаки, разводили огонь и готовили ужин.

В те дни, когда на их пути попадался тапир или капибара, и Рамиро удавалось убить кого-нибудь – то были дни настоящего праздника, скромный ужин превращался в настоящий пир.

В эти дни они могли наесться мясом, и еще оставалось на следующий день.

Когда же еды не хватало, то ее не хватало для всех. В этом случае Клаудия была непреклонна, она не принимала ни малейшей любезности по отношению к себе. Поскольку сама раздавала приготовленные порции, то очень часто ее порция была самой маленькой. Если пытались подложить ей кусок, то он оставался нетронутым, она игнорировала его, предпочитая, чтобы еда испортилась, чем съесть.

День ото дня она становилась все более худой и жилистой, одета она была в старые штаны, рубашку и грубые башмаки сборщика каучука. Волосы собирала в пучок и прятала под шляпой с узкими полями. С собой несла рюкзак и гамак, и никогда не расставалась ни со своим ножом, ни с острым мачете.

На нее не производили ни малейшего впечатления ни пауки, ни змеи, ни даже рык ягуара в чаще, а москиты, так и вообще, предпочитали именно ее всем остальным, и вились над ней облаком, но она почти никогда не отгоняла их. Бывали дни, когда от укусов насекомых лицо ее распухало и синело. Но, несмотря на все это, она ни разу не пожаловалась и даже не вздохнула, хотя Архимедес и «Гринго» постоянно ворчали и проклинали вездесущих насекомых.

Понемногу получилось так, что мужчины стали общаться лишь между собой, словно они шли вдвоем. Рамиро разговаривал все реже и реже, а из Клаудии слова нельзя было выдавить. Да и они, тоже, были не очень разговорчивыми и все их беседы сводились к обсуждению маленьких происшествий в течение дня и к рассуждениям по поводу того, где они сейчас находятся и сколько им предстоит еще пройти до Жапура.

Дни сделались настолько похожими друг на друга и настолько монотонными, что они сбились со счета, и далее получилось так, что шли они вперед почти автоматически, как будто это было единственное, что умели в этой жизни, словно приговоренные к вечному скитанию по этой зеленой пустыне.

Однажды ночью Архимедес проснулся от того, что Клаудия металась и стонала в своем гамаке, а на следующее утро он был поражен ее бледностью. Попытался узнать, что с ней происходит, но в ответ получил лишь обычное молчание. Однако, где-то через полчаса, как они отправились в путь, девушка рухнула, словно подкошенная, и не смогла более сделать ни шага. Быстро натянули гамак меж деревьев и уложили ее, но сколько не спрашивали что у нее болит и что произошло, не получили ни слова в ответ. Тогда индеец отвел их на несколько метров в сторону и сказал:

– Рамиро знает что там. Рамиро думает, что до вчерашней ночи по этой дороге шло не четверо, а пятеро, но теперь опять идут четверо.

Архимедес не сразу понял, что индеец имел в виду, но, вспомнив стоны в ночи, вдруг догадался и содрогнулся, холодок пробежал у него по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.